Змея

Автор:
Бекс Хоган

Змея

Бекс Хоган

Острова бури и печали #2

Марианна – защитница Двенадцати островов, но ее надежды на мир не оправдались. Продажный король остался на троне, бандиты продолжают совершать нападения, и девушка больше не знает, кому из ее команды действительно можно доверять.

Но вскоре она узнает о пророчестве: чтобы острова процветали, невидимая связь, некогда соединявшая сушу и море, должна быть восстановлена. Но для этого нужно вернуть магию.

Однако магия – вещь опасная. Научится ли Марианна контролировать силу внутри себя, вернет ли островам их былое величие? Или магия поглотит все, что ей дорого, пока не останется только бесплодная пустошь?

Бекс Хоган

Змея

Bex Hogan

Isles of Storm and Sorrow Venom

Text copyright © Rebecca Hogan, 2020

Map copyright © Tomislav Tomic, 2020

© Перевод, оформление. ООО «РОСМЭН», 2020

* * *

Посвящается Джо

Моему извечному северу

Часть первая. Восток

1

Прекрасная ночь для свадьбы. Луна сияет, изливая мерцающий свет, как благословение этому союзу, а звезды празднично блещут. Нежный ветерок осторожно сдувает с деревьев розовые лепестки, превращая их в конфетти.

Комната, в которой я нахожусь, выходит в сады летнего дворца. Я прикладываю лоб к холодному оконному стеклу. Всего мгновение назад я была окружена людьми. Они суетились, готовили меня, окружая смехом и возбуждением. Теперь я одна. Жду.

Я одета к полуночи. Единственный цвет – алая нить, вшитая в корсет. Вообще же я полностью в черном, как и подобает Гадюке, хотя сегодня сложный наряд

заменяет мой обычный боевой костюм. Я сую кинжал, подаренный мне командой, за голенище сапожка и сразу чувствую себя увереннее. Возможно, я невеста, но у меня куча недругов, которым не терпится использовать этот день в своих корыстных целях.

Раздается тихий стук в дверь. Пора. Внутри вспархивает нервная стайка и трепещет в груди. Глубокий вдох, подбородок вверх – и я встречаю свою судьбу с высоко поднятой головой. Две горничные приветствуют меня улыбкой, набрасывают мне на плечи мантию из тяжелого бархата и закрепляют ее у самой шеи украшенной драгоценными камнями брошью. На мои волосы осторожно накидывают капюшон, и я вместе с сопровождением покидаю свои покои.

Церемония проводится на улице, во дворе, освещенном тысячью свечей и переполненном островитянами, желающими стать свидетелями этого исторического события. При моем появлении по толпе проходит шорох, все головы поворачиваются, сотни глаз наблюдают, как я совершаю свое долгое путешествие к тому месту, где ожидает жрица, готовая принять наши клятвы. Сердце стучит быстро-быстро – слишком быстро, – хотя меня успокаивает присутствие моей команды, выстроившейся по обе стороны прохода.

А вот и он. Взгляд притягивается к нему, как стрелка компаса. Бронн. Мой извечный север.

Лицо его хранит обычную невозмутимость – он годами учился скрывать свои чувства, – и, хотя я по-прежнему не всегда могу его читать, сегодня у меня нет сомнений в том, что творится в его голове. Я неохотно перевожу взгляд на человека, поджидающего меня в нескольких шагах впереди.

Он облачен в тончайшее сукно, отделанное бархатом и сверкающее льдинками хрусталя. Он никогда еще не выглядел таким импозантным. При моем приближении он улыбается – чудесной искренней улыбкой, поскольку на меньшее Торин не способен, – однако я все же подмечаю, что ему не по себе. Не я одна сегодня предаю любовь во имя долга.

Шаг, другой, и вот я уже рядом с ним, стараюсь не замечать всего остального мира за словами жрицы и приношу клятвы со всей искренностью, на какую только способна. Я обещаю быть честной по отношению к Торину, клянусь

защищать его ценой своей жизни и быть преданной ему, как никому другому, пока смерть не разлучит нас. Эта последняя клятва дается труднее остальных, однако я выдавливаю из себя нужные слова. Во всяком случае, мы оба знаем правду. А поскольку я никоим образом не обманываю Торина, то не испытываю и чувства вины.

Позади Торина, достаточно близко, чтобы я видела его краешком глаза, стоит его новый телохранитель, Брэйдон. Я к нему еще не успела привыкнуть. Начать хотя бы с того, что он доверяет мне ничуть не больше Шарпа. Расположение последнего я со временем сумела завоевать, но преодолеть неприязнь Брэйдона будет труднее. Я чувствую, как он хмурится даже в тот момент, когда я становлюсь его принцессой.

Взгляд мой переносится на стоящего в сторонке Шарпа. Потеря зрения означала для него переподчинение, и, хотя он остается помощником Торина, его страдания последние несколько месяцев бросаются в глаза. Очевидно, что он чувствует сейчас то же самое, что и Бронн.

Клятвы даны, нам с Торином велят соединить запястья точно так же, как мы уже делали давным-давно во время первой церемонии скрепления уз. Однако на сей раз вместо раскаленного железа наши покрытые шрамами запястья обвивает шелк, и мы обращаемся лицами ко всем тем, кто пришел, чтобы засвидетельствовать столь важное событие.

Толпа кричит здравицы, моя команда отдает нам салют. Торин наклоняется и мягко целует меня в губы. Все это часть действа, я знаю, но чувствую, как у меня багровеют щеки. Там, где у Бронна кожа шершавая, у него она нежная. Его прикосновение – лед, тогда как прикосновение Бронна – пламень.

Он мой муж. Я его жена.

Когда мы идем обратно по проходу, по-прежнему связанные шелком, мне удается не смотреть на Бронна. Я далеко не сразу осознаю, что не дышу, и делаю выдох. Главное, что худшее позади. Заставляю себя расслабиться, настолько, что обращаю внимание на толпы людей, провожающих нас ликующими криками.

И в этот момент я вижу его. Незнакомца. В нем нет ничего необычного, но именно это и выделяет его из общей массы. Он одет слишком невыразительно. Слишком сливается с окружающими. Он производит впечатление человека, который не хочет, чтобы его заметили.

Я отворачиваюсь, поскольку тоже не хочу, чтобы он заметил мою подозрительность, однако продолжаю исподтишка за ним наблюдать – нельзя терять из виду потенциальную опасность. Торин, должно быть, улавливает мою напряженность – он смотрит на меня обеспокоенно.

– Что стряслось?

Я отвечаю самой радостной улыбкой, так что толпе кажусь просто счастливой невестой, болтающей с новоиспеченным мужем.

– За мной, у стены. Черные волосы, перехваченные на затылке.

Высокий. Видишь его?

Торин возвращает мне фальшивую улыбку и наклоняется, делая вид, будто шепчет на ухо что-то ласковое, тогда как на самом деле ищет взглядом предмет моего беспокойства.

– Да. Кто это?

– Я надеялась, ты знаешь.

– Распорядиться, чтоб его убрали?

Я качаю головой:

– Нам только представления не хватало.

Однако завязываю на память узелок, чтобы при первом же удобном случае попросить кого-нибудь из команды пронаблюдать за незнакомцем.

Когда мы оказываемся в конце прохода, Торин заглядывает мне в лицо.

– Мы ведь все сделали правильно, да?

Я сжимаю его руку:

– Ну конечно же.

Хотя мне уже хочется, чтобы эта ночь побыстрее закончилась. Лучше бы никаких больше празднований не было.

Я не участвовала в обсуждении своей свадьбы. Я не хотела, чтобы она проводилась в летнем дворце, в самом сердце Первого острова. Примостившийся на вершине горы дворец продуваем всеми ветрами, одинок и далек от моего корабля, отчего я чувствую себя уязвимой и напряженной. Я не хотела расточительных пиров и танцев, когда островитяне по-прежнему с трудом находят, чем набить живот. Однако все это было организовано кем-то другим.

Королем.

При одной только мысли об этом человеке я испытываю ненависть. Меня бесит то, что он все еще носит корону. Но к тому моменту, когда я вернулась с Запада, Торин уже заключил со своим отцом сделку. Торин предоставил ему два варианта: отречься или быть свергнутым. Будучи трусом, король не стал воевать с сыном и новой Гадюкой, так что для защиты своей репутации и наследия он согласился тихо уйти в тень. Правда, с одним условием: он останется на троне до тех пор, пока не состоится эта свадьба, чтобы использовать союз королевской власти с Гадюкой как повод для ухода. Ради благополучия островов и чтобы не проливать лишнюю кровь, Торин согласился, но, когда я узнала про королевское условие, у меня внутри зашевелился червячок подозрения. Доверять королю для меня неестественно. Я опасалась, что он согласился на все, чтобы отсрочить свое отречение, а за это время найти способ не выполнить обещанное. Поэтому вскоре после возвращения на Восток я нанесла ему визит с целью слегка поторопить. Все, как в добрые старые времена: забираешься к нему через окно под покровом ночи и предстаешь перед ним ожившим кошмаром. Я велела ему объявить об отречении во время свадебного пира и вручила документ для подписания. Одного его слова было для меня недостаточно. Мне требовалось

письменное согласие. А если он откажется? Что ж, королевские потроха я теперь умела убеждать без лишних колебаний.

Я убила своего отца. И спокойно убью отца любого другого человека.

Эти слова он понял. Король прислушивался исключительно к языку угроз и насилия, а потому сделал то, что я просила. Но даже теперь меня не покидает тревожное чувство. Король уже предавал меня прежде, и я не сомневаюсь в том, что он попробует сделать это снова.

И вот, пока мы сидим под звездами на открытом воздухе, это ощущение только крепнет. Я наблюдаю, как мой новый свекор отдирает от кости куски жареного молочного кабанчика.

Король пригласил на свадьбу всех важных персон шести островов. Дальние родственники, губернаторы, главные купцы, капитаны флота – они все здесь, и я рада, что они смогут своими глазами увидеть его отречение, однако подозреваю, что на уме у короля совсем другое. С его точки зрения, они тут для того, чтобы пораженно восторгаться королевским богатством. Король обожает, когда им восхищаются.

Хотя вообще-то атмосфера вполне теплая – придворные постоянно мне улыбаются, и все довольны тем, что принц женится на Гадюке.

Наконец наступает время речей – очередной ритуал, требующий только моего молчания, – и я начинаю учащенно дышать в нервном предвкушении. Либо король откажется от владения Островами, либо докажет, что ему по-прежнему нельзя доверять. Боюсь, что ответ мне в точности известен. И если он вынудит меня действовать, завтра же все воспоминания о счастливой свадьбе рассеются. Наша молчаливая война за власть закончится так или иначе, а уж мирным ли путем или насилием – выбор за королем.

Король берет слово первым и начинает с неискреннего трепа о том, как он рад всех видеть, как он благодарен гостям за то, что они к нам пожаловали. Он привлекает всеобщее внимание к пиру, хвастается его размахом и говорит о качестве вина, доставленного из его подвалов. Однако едва он переходит к тому, как счастлив, что наконец-то королевская семья и Гадюка соединены узами супружества, тон его меняется. Он многословно и настойчиво убеждает:

никто не должен сомневаться в том, что союз между сушей и морем прочен как никогда. Звучит это, скорее, как угроза, нежели свадебная речь, и, судя по лицам слушателей, я не одна так думаю.

Он распинается насчет грядущих дней, великого могущества королевства. Ни словом не упоминает о людских мучениях, о тех лишениях, которые вынужден выносить народ. Король ничего не говорит об Адлере, этом чудовище, взрастившем меня. Ничего о падении одной Гадюки и возвышении другой. Ни слова похвалы сыну за ту роль, которую он сыграл в спасении Востока.

И ни намека на то, что он собирается отречься от престола.

Поднимая бокал вина и произнося тост в честь долгого и счастливого партнерства, он смотрит прямо на меня и улыбается. Улыбкой, сулящей тысячу проблем. Улыбкой, которая говорит о том, что он никуда не собирается уходить.

Как я и боялась.

Я не моргая выдерживаю его взгляд. Потому что, если он хотя бы на мгновение полагает, будто я позволю ему остаться после всего, что он натворил, безнаказанным, то он сильно ошибается. Ему был дан шанс, и он его профукал. Суровая правда заключается в том, что мне придется воспользоваться подписанным документом, чтобы настоять на его отречении, а если и это не сработает, тогда я решусь на то, что должна была сделать гораздо раньше. Мне придется убить короля.

Поначалу, к моему удовлетворению, он отводит глаза. Решив, что настало время напомнить королю, с кем он имеет дело, я встаю.

Чувствую всеобщее недовольство. Принцессе не приличествует говорить на своей свадьбе. Но я Гадюка, и мне рот так просто не заткнуть.

– Сегодня исторический день, это правда, – говорю я твердо и внятно. – Более того. Этот союз – новое начало. Слишком долго Острова претерпевали мучения, брошенные на произвол судьбы пред лицом ужасных бедствий. – Я выдерживаю паузу. – Этому наступил конец. Вот вам моя клятва: я никогда не перестану сражаться за вас. Начиная с этого дня, вся власть над сушей и морем принадлежит островитянам, и только им. Клянусь, что мир будет восстановлен.

Слова иссякают, наступает неловкая тишина, и тогда я смотрю на Торина. Мое отступление от традиции не было запланировано, и у него играют желваки на скулах. Однако в знак солидарности Торин тоже встает и поднимает бокал:

– За новую эру!

Чары рассеиваются, и все присоединяются к тосту.

Теперь я смотрю на короля и сама одариваю его улыбкой. Той, в которой заключено обещание с радостью уничтожить его, если он и дальше попытается идти своей дорогой.

Я сажусь, давая Торину возможность выступить с речью. У него для слушателей припасены только добрые слова, и он подтверждает мою решимость неустанно трудиться ради того, чтобы черные дни в наших землях скорее закончились.

Пока он говорит, я не могу не думать о том, как трудно будет сдержать слово, данное островитянам. Я неустанно сражаюсь с тех самых пор, как вернулась домой, а результаты едва заметны. Последствия резни, учиненной Адлером, не так-то легко залечить, и несколько печально известных шаек жестоких бандитов продолжают ускользать от меня и моей команды.

Я делаю глубокий вдох. На людях надо сохранять спокойствие. Оглядывая толпу, пытаюсь понять, как она восприняла наши речи.

Взгляд мой снова падает на незнакомца с церемонии. Ярость от королевского предательства заставила меня про него забыть, однако теперь тревога возвращается на всех парусах. Он стоит, прислонившись к каменной стене, не принимая участия в пире и уж точно не хлопая. Просто смотрит на меня не отрываясь. Пристально.

Я отвожу взгляд и легонько двигаю ногой. Ощущение острого лезвия в голенище сапожка добавляет мне уверенности.

В конце концов, пирушка заканчивается, и звучит музыка. Торин выводит меня на открытое пространство, и мы впервые танцуем. Должно быть, он чувствует, как я мучаюсь, потому что держит меня крепко, но с большой нежностью, и я

склоняю голову ему на плечо, бесконечно радуясь тому, что он – противоположность своего отца.

Я вынуждена протанцевать еще с несколькими придворными, но в итоге мне удается придумать отговорку и покинуть зал. Отчаянно нуждаясь в передышке, я удаляюсь к краю внутреннего двора, прячусь за огромную каменную колонну и прижимаюсь к ней лбом. Я закрываю глаза и думаю о том, кончится ли все это когда-нибудь. Перестану ли я когда-нибудь мучиться, потому что, если нет…

– Шикарно выглядишь.

Я не слышала, как он подошел. Впервые за весь день искренне улыбнувшись, поворачиваюсь к Бронну:

– Спасибо. Ты тоже.

Так и есть: в полном парадном обмундировании черной Змеи, с поднятым капюшоном, скрывающим в тени его задумчивое лицо. Темные, бездонные глаза смотрят из-под длинных ресниц, глаза, в которых я тонула не одну ночь.

Бронн подступает ближе, колонна прикрывает нас от посторонних взглядов. Он наклоняется и отводит с моего лба прядь волос. Уже одно его прикосновение кажется мне сладчайшим огнем, и я закрываю глаза, вспоминая тот последний раз, когда мы были одни. Как мы обнимали друг друга, не желая разнять руки, не зная, не окажется ли следующий поцелуй последним. Я готова была украсть все время на свете, чтобы остаться в его объятиях дольше: два тела, две души, соединенные в одну. Вместо этого, когда он заснул, я заплакала, мечтая о жизни, которой у нас с ним никогда не будет.

– Ты в порядке?

У меня получается нечто вроде сдавленного смеха:

– Нет. А ты?

– Тоже нет, но справлюсь.

Сейчас он так близко. Я чувствую кожей тепло его дыхания. Сердце начинает биться быстрее, словно умоляя его остаться здесь, со мной. Но я уже ощущаю, что он ускользает. Между нами ширится пропасть, которая не имеет ничего общего с пространством.

Те месяцы, что прошли после возвращения с Запада, мы оба провели в охоте на бандитов. Под бременем вины из-за того, что пережили своих любимых друзей, зная цену, заплаченную слишком многими ради островов, мы попытались заглушить горе безжалостной борьбой, чтобы их гибель не оказалась напрасной. После рейдов или кровопролитных сражений мы всегда находили друг друга, крали драгоценные мгновения, чтобы почувствовать себя живыми в окружении смерти. Мы искали покой в объятиях, и, хотя было очевидно, что долго так продолжаться не может, притворяться не составляло труда.

Я была эгоисткой. Я не хотела потерять его сразу же, как только снова нашла. Но теперь, стоя в свадебном платье и мечтая о мужчине, который мне не муж, я слишком отчетливо понимаю, что изменилось все. Супружество порвет нас в клочки, вскроет раны, которые будут гноиться, но не заживать. Это уже произошло. Сегодняшний день пронзил Бронна не хуже любого клинка, клинка, который я держу в своих руках.

Я осторожно отодвигаюсь от него, набираясь решимости сделать то, что необходимо.

– У меня есть для тебя работенка.

Бронн хмурится:

– Работенка?

Он явно не впечатлен.

Я выглядываю из-за колонны и указываю на длинноволосого человека, все еще прячущегося в тени.

– Выясни, кто это.

Бронн прослеживает мой взгляд, после чего снова смотрит на меня:

– А Торин разве не знает?

Я качаю головой:

– Если этот человек не из гостей, мне непонятно, как он миновал охрану. Я не доверяю ему. Он смотрит слишком уж пристально. Мне было бы спокойнее, если бы ты смог за ним проследить. Допроси его.

Мое волнение неподдельно, однако правда заключается в том, что я пытаюсь отдалить нас друг от друга, и задание для Бронна – лучший способ этого добиться. По его лицу я догадываюсь, что он понимает мои намерения. Понимает, что я прощаюсь.

Отвечает он не сразу, а когда открывает рот, голос его звучит холодно:

– Будет исполнено, капитан.

Отвесив самый вежливый из поклонов, Бронн уходит. У меня такое ощущение, будто он задул все свечи и украл все звезды. Никогда еще мой мир не погружался в такую тьму.

Празднество продолжается бесконечно долго, но в итоге нас с Торином провожают в свадебные покои высоко в восточной башне, под непристойные смешки и сальные шутки. Как только дверь благополучно закрывается, Торин прислоняется к ней и переводит дух, а я пинаю через всю комнату ночной горшок.

– Коварный, наглый врун! – Я больше не в силах сдерживать свою ненависть к королю, и она извергается из меня неуправляемым потоком. – Чертов интриган!

– Да уж, мой отец не устает разочаровывать, – ворчит Торин.

– Все исподтишка, если ножом, так в спину, подлюга! Нельзя было доверять ему ни минуты.

Торин вздыхает, почесывая подбородок:

– Хочешь сказать, мне не нужно было ему доверять?

Его недовольство собой усмиряет мой гнев.

– Ты был за то, чтобы начать с мирного подхода, – говорю я, падая навзничь на кровать и раскидывая руки. – И это было правильно.

Торин присаживается рядом и разувается.

– Мне следовало понять раньше. Отец пойдет на все, чтобы удержать власть.

– Нет, это я виновата. После возвращения я слишком размякла.

Устав от сражений, я позволила королю почувствовать себя в безопасности. Стоило поддать жару их договоренности с Торином, заставить его отречься немедленно, а теперь из-за моей слабости начнутся неприятности.

Торин растягивается рядом, и какое-то мгновение мы просто смотрим друг на друга, слишком усталые, чтобы просто пошевельнуться.

– Давай об этом больше не думать, – первым нарушает он молчание. – Пусть хоть несколько минут не будут испорчены его присутствием. Завтра бой можно продолжить. Мы настоим на том, чтобы он сдержал слово и отказался от престола, как обещал. Бумага, которую он подписал, ведь при тебе?

Я киваю:

– У меня в комнате. Но он может возразить, что его заставили.

На лице Торина появляется понимающая улыбка:

– А разве нет?

– Ну, некоторое давление, возможно, было, – пожимаю я плечами.

– Ладно, если он решит опротестовать законность подписи, мы его свергнем. Все карты у нас.

Новый конфликт. Островам только его не хватало. Однако в душе я понимаю, что этого не избежать. И хотя мне не составит ни малейшего труда избавиться от короля, я не знаю, насколько далеко готов зайти Торин, чтобы освободиться от отца. Свержение с трона – это одно. Но позволит ли мне Торин его прикончить, если до этого дойдет?

– Забавно, – говорит Торин, толкая меня локтем. – Как только я не представлял себе свою первую брачную ночь, но и предположить не мог, что проведу ее в разговорах об отце.

Я улыбаюсь:

– Я тоже. У нас есть дела и поважнее.

– Спать, – говорим мы одновременно.

Как же приятно посмеяться после напряженного дня!

Торин помогает мне расшнуровать корсет, но отворачивается, когда я выскальзываю из платья и переодеваюсь в сорочку. Когда он ложится, опускаюсь рядом и сжимаю его руку.

– Жаль, – говорит он, – что никто, кроме нас, не понимает, насколько важным был сегодняшний день. Слияние Востока с Западом. Начало новой эры. Нашей эры.

Что-то неприятное жжет меня изнутри. Непрошеное напоминание о моем долге перед Западом. Я и Востоку-то едва могу помочь.

– Мы не одни, – тихо отвечаю я. – Бронн и Шарп знают.

Напрасно я это сказала. Во взгляде Торина вспыхивает боль.

– Они понимают, зачем нам пришлось сегодня через это пройти, – говорит он.

В качестве извинения я посылаю ему улыбку, не желая заражать его своим отчаянием. Надежды Торина так же сильны, как мой страх перед настоящим, вот почему мы нужны друг другу. Мы уравновешиваем друг друга.

– Мы сможем, – продолжает он, сжимая мои пальцы. – Мы это сделаем.

Я наклоняюсь и целую его лоб:

– Знаю.

– Спокойной ночи, женушка, – говорит он с нежностью.

– Сладких снов, муженек.

С завистью наблюдаю, как быстро он засыпает. Хотя мои кости ломит от усталости, я долгое время просто лежу, перебирая в голове кучу мыслей. Воздух тут вязкий, удушливый, и мне кажется, будто стены смыкаются вокруг меня. Оставив Торина на нашем брачном ложе, я подхожу к окну и распахиваю его, надеясь отдышаться. Ночь словно сдавливает мне грудь, и я не могу перевести дух. Мне нужно выбраться отсюда. Не одеваясь, накидываю поверх сорочки плащ и сую кинжал обратно в сапожок.

Когда я возникаю на пороге, трое стражей смотрят на меня с удивлением. Я поднимаю руку, призывая их к тишине.

– Принц спит, – говорю я, не обращая внимания на их многозначительные взгляды. – Я оставила кое-что в своей старой комнате в западном крыле и хочу это забрать.

– Позвольте мне вас проводить… – Брэйдон встает и с некоторым запозданием добавляет: – Ваше величество.

– Не стоит. Я знаю дорогу.

– Я настаиваю.

– Очень хорошо, если так надо.

В его предложении нет ни малейшего участия, только недоверие.

Мы идем по замку. Единственный свет – свечка у меня в руке. Моя старая комната расположена в западной башне, так что идти приходится долго, и все это время Брэйдон держится позади, буравя взглядом мою спину.

Оказавшись наконец возле заветной двери, я поворачиваюсь к нему.

– Возможно, я проведу здесь остаток ночи. Не хочу беспокоить мужа. Благодарю вас, Брэйдон.

Телохранитель не в восторге от того, что должен меня покинуть, однако делать нечего. Он холодно желает мне спокойной ночи, и я в конце концов остаюсь предоставлена самой себе. Тишина – как бальзам для моей растревоженной души. Я столько лет жизни провела в уединении, что теперь каждый час в окружении посторонних заставляет меня мечтать об одиночестве.

Я пересекаю комнату, между делом проверяя, заперт ли ящик стола. Успокоенная, что подписанный королем свиток на месте, распахиваю двери на балкон и упиваюсь предутренней свежестью. Луна озаряет замок, выхватывая из темноты похожие на звездочки цветки ночисветика, вьющегося по камню стены, и на мгновение я разрешаю себе поверить в то, что все уладится, как мы надеемся.

После возвращения с Запада я почти не чувствовала себя спокойно. И дело тут не в желании сражаться. Внутри меня, как сорняк, растет тихое недовольство. Я не знаю, что это, но оно ползет, извивается, ширится и душит. Возможно, это всего лишь неотъемлемая часть привыкания к новой жизни. А может быть, меня изнутри гложет обычная неудовлетворенность. Но она дает о себе знать постоянно – вечное напоминание о том, что что-то не так.

Резкий порыв ветра взметывает полы плаща, обжигает мне кожу. Я отвожу с лица волосы, и тут мое внимание привлекает неожиданное движение. Слегка

подавшись вперед, пытаюсь понять, что это.

По увитой плющом стене восточной башни взбирается фигура в черном. Лунный свет сверкает на лезвии, которое неизвестный держит в зубах, быстро карабкаясь вверх. Какими бы ни были его намерения, они явно не дружественные.

Только один человек спит в той башне – Торин, – и я ни секунды не колеблюсь. Двигаясь так же беззвучно, как и незваный гость, я сбрасываю плащ, выхватываю из-за голенища кинжал, выбираюсь на балюстраду и ищу точку опоры на стене замка. Бежать через дворец – терять слишком много времени. Я только так успею его перехватить.

Руки легко скользят по древним камням, необходимость спешить ускоряет кровообращение, и я даже чувствую покалывание в кончиках пальцев. Лезвие задевает язык, по спине бежит пот. Я не позволяю себе задуматься о пропасти подо мной. В голове кричит одна-единственная мысль.

Скорее!

Я сокращаю расстояние между нами, но тут же теряю незнакомца из виду: он исчезает в окне спальни, в окне, которое я незадолго до этого открыла. Я лезу еще быстрее. Если я не доберусь туда немедленно, будет слишком поздно. Оказавшись на более близком расстоянии, отталкиваюсь от стены и прыгаю в сторону окна, едва хватаюсь за выступ, чуть не срываюсь, но через мгновение я уже в комнате.

Не успевают глаза привыкнуть к полутьме, как меня хватают за волосы и бьют головой о стену. Боль раскалывает череп, я выпускаю из зубов кинжал и пытаюсь сделать вдох. Противник знал, что его преследуют.

Он взмахивает своим ножом, целя мне в живот, но я быстро прихожу в себя и что есть силы бью его кулаком по руке, так что теперь и он роняет оружие.

Не жду, пока он очухается, и наношу удар снизу в подбородок, заставляя противника попятиться. Однако от следующей атаки он уклоняется и бьет в ответ так, что мое плечо буквально взрывается болью.

Жаль, что сейчас такая темень, потому что я могу различить только то, что незваный гость в маске, закрывающей нос и рот, а капюшон скрывает волосы. Я должна знать, кто оказался настолько смелым, чтобы так нагло пробраться в покои принца. Тяну руку, чтобы сорвать маску, но он снова уворачивается. Он проворен, будто заранее знает, что я собираюсь сделать, потому что упреждает каждое мое движение.

Хороший противник.

Но я лучше.

Меняя тактику, бью его ногой в живот и лишаю равновесия. Этого достаточно, чтобы мои последующие удары – в лицо и под ребра – в полной мере достигли цели. Наш танец продолжается, и в лунном свете сверкают его янтарно-желтые глаза, в которых читается страх.

– Кто ты?

Я должна это знать.

В ответ он пытается вцепиться мне в горло, раздавить кости. Я успеваю ухватить его за кисти раньше, чем его пальцы причинят мне вред, и на мгновение мы замираем, не в силах перебороть друг друга.

Остается единственный выход, и я бодаю его в лицо. Он замирает от боли, снова теряет равновесие и получает ногой в живот. Отшатывается и падает на постель, где спит Торин, понятия не имеющий об опасности.

Но когда убийца обрушивается своим весом на кровать, он просыпается, садится, покачиваясь.

– Марианна?

Он еще в полусне.

Нападающий тоже не до конца восстановился после полученного удара головой, но за этим дело не станет. Я должна спешить. Метнувшись к своему кинжалу,

по-прежнему лежащему на полу, я подбираю его и кидаю, целя врагу в сердце.

А он ловит лезвие ладонями.

Подобное мастерство, подобная реакция поражают меня, и не успеваю я собраться с мыслями, как убийца поворачивается и всаживает мой кинжал в грудь Торину.

2

У меня перехватывает дыхание, словно ранили меня, а не принца. Я бросаюсь на негодяя, но он кидается к другому окну, и передо мной встает выбор: преследовать его или спасать Торина.

Ругаясь, бегу к принцу, который лежит, заливая кровью простыни. Теперь он совсем проснулся и не может ничего понять. Я прижимаю его к себе.

– Марианна?

Он хватается за грудь, и я отвожу его руку, чтобы посмотреть, насколько все плохо.

– Ты в порядке. Дай-ка гляну, – говорю я как можно спокойнее, хотя у меня в ушах звенит от страха.

Лезвие не задело сердце, но Торин теряет много крови. Я отрываю кусок простыни и крепко прижимаю материю к его груди.

– Все поправимо, – говорю я, посылая ему самую ободряющую улыбку, но понимаю, что сознание покидает его, глаза закрываются. – Нет, нет, только не засыпай! – И я кричу страже, не в состоянии побороть накрывающую меня волну ужаса. – На помощь! Помогите!

– Торин, посмотри на меня! – Я произношу это командным тоном, чтобы он не посмел ослушаться. – Ты не умрешь! Слышишь меня? Даже не думай умирать.

Я вижу, что он борется, но проигрывает, а когда пытается поднять руку, она бессильно падает на кровать.

Я могла бы спасти его волшебством.

Эта мысль приходит из ниоткуда. Я не позволяла себе думать о волшебстве с тех пор, как отринула его еще на Западе. Но я в отчаянии. Могу ли я снова прибегнуть к живущей во мне силе, чтобы спасти его?

Распахивается дверь, спугивая мысль. Стражи, разинув рты, таращатся на открывшуюся перед ними сцену.

– Зовите целителя, – снова кричу я, злая и на них, и на себя за бездействие. – И поднимайте тревогу. Злоумышленник не мог уйти далеко.

Один из стражей помоложе срывается с места, крича: «Убили, убили!», пробуждая замок от пьяного забытья. Другой кидается к нам, и даже паника не мешает мне заметить подозрительный взгляд, которым он окидывает произошедшее.

– Передайте мне бутыль на сундуке, – приказываю я.

Это слабая настойка, которой я вряд ли воспользовалась бы при подобной ране, но она лучше, чем ничего, а у Торина мало времени.

Страж не двигается. Он смотрит на меня сверху вниз, и тут я сознаю, как все это выглядит со стороны. Я, по-прежнему в сорочке, которая теперь пропитана кровью, и мой нож, торчащий из груди моего мужа.

– Пожалуйста, – стараюсь я говорить мягче. – Он умирает. Дайте мне помочь ему.

Мне уже начинает казаться, что это бесполезно, но, вероятно, стражу передается мое отчаяние, потому что он подходит к сундуку и берет бутыль.

Я выдыхаю.

– Спасибо.

Когда он уже протягивает мне настойку, в комнате раздается голос:

– Не смей давать убийце ее яд.

Страж робко делает шаг в сторону и поклоном встречает входящего короля. У меня все обрывается, когда я вижу рядом с ним Брэйдона. Стоило ему понять, что происходит, как он бросился предупреждать короля.

– Оттащите ее от моего сына, – говорит король.

Брэйдон и второй страж направляются ко мне.

– Если я его отпущу, он сразу до смерти истечет кровью, – предупреждаю я, и они замирают.

Кожа Торина уже приобретает синюшный оттенок, так что несложно поверить в то, что смерть принца неизбежна.

– Ты, – указывает король на старшего стража, – займи ее место.

Стоя возле меня, тот нервно сглатывает. Я накрываю его ладонью окровавленный кусок простыни.

– Прижимайте сильнее. И не отпускайте. – Мой приказ звучит как команда. От этого зависит жизнь Торина.

Брэйдон хватает меня за руку и стаскивает с кровати.

– Я этого не делала, – заявляю я королю. – Но я могу спасти его, если вы не будете мне мешать.

Король, не обращая на меня внимания, поворачивается к Брэйдону:

– Ты сказал, что оставил ее в западном крыле?

– Да, ваше величество. Должно быть, она вылезла через окно.

– Я преследовала незнакомца. Он выскочил в это окно, – указываю я на дальнюю стену, где ночной ветер играет распахнутыми створками. – Вы еще можете его поймать.

Взгляд короля однозначен. Они никого не станут искать. У них уже есть подозреваемый.

– Арестуйте изменницу!

Брэйдон выворачивает мне руки и надевает на запястья кандалы. Я не сопротивляюсь, но только потому, что меньше всего хочу, чтобы страж рядом с Торином двигался. Так что пока я позволю им делать то, что они хотят. Пока он жив.

Долгожданное появление королевского целителя ничуть меня не успокаивает. Старый, хилый и слишком уж растрепанный, целитель еще толком не проснулся. Только вид принца прогоняет остатки сна, и он устремляется к своему высокопоставленному пациенту.

– Добавьте в ваши припарки серебутон и топькрапиву, – подсказываю я, пока меня волокут из комнаты. – И подмешайте в настойку белой ржавчины.

Я сомневаюсь в том, что мой совет придется ко двору, но я не доверяю старым средствам, которыми пользуется целитель. Они по большому счету бесполезны. У Торина не намного больше шансов выжить под его опекой, чем без таковой.

К сопровождающему меня Брэйдону присоединяются еще пять стражей, и, несмотря на обстоятельства, я ощущаю удовлетворение: они не забыли, кто я такая. Не какая-то случайная женщина вышла замуж за их принца, но Гадюка. Есть из-за чего нервничать. Захоти я, и они упали бы замертво в считанные минуты. К счастью для них, я не желаю им смерти. Я не покину этот замок, пока не буду точно знать, что с Торином все обойдется.

Меня уводят в подземелье и бросают в холодную камеру. Летний замок используется нечасто, поэтому казематы по большей части пусты, и лишь немногие соседи оказываются свидетелями моего прибытия, что радует, поскольку именно я в последнее время снабжала Острова пленниками.

Когда Брэйдон вешает на цепь замок, я перехватываю его руку.

– Я этого не совершала. Человек, который на него покушался, все еще там, на свободе. Он может вернуться. Что бы вы про меня ни думали, пообещайте, что позаботитесь о Торине.

Брэйдон выдергивает руку и плюет мне в лицо:

– Гадюшница! Тебя за это вздернут.

Я сохраняю внешнюю невозмутимость, но внутри у меня все закипает. Брошенная в камеру, пользуюсь моментом, чтобы оценить ситуацию. Дрожа от холода в одной сорочке, я начинаю осознавать весь безмерный ужас произошедшего. Кто-то попытался убить Торина. Кто-то, специально этому обученный. А король вешает преступление на меня.

Я сажусь.

Дело – дрянь. Во всех отношениях. Кому потребовалась смерть Торина? Кому она будет на руку? Очевидно, королю. Однако при всех его недостатках, я не верю, что он на такое способен. Заказать убийство собственного сына! Но если не он, тогда кто же? Я не признала убийцу, но, возможно, он заодно с тем незнакомцем, который не выходил из тени на протяжении вечернего торжества.

Но тогда, за исключением трех стражей, ни у кого не должно быть сомнений в том, что я находилась в покоях со своим мужем. Разве присутствие Гадюки не заставит большинство хорошенько подумать, прежде чем отважиться на нападение? Если только убийца не охотился за мной. Полагаю, что гораздо больше людей желают моей смерти, нежели смерти Торина.

Война с бандитами, которую я затеяла, была кровавой и жестокой. Передо мной всегда стояла – и стоит – цель: арестовать и отдать правосудию за совершенные

преступления, однако бандиты готовы сражаться не на жизнь, а на смерть, а в моей команде собраны лучшие бойцы. Хотя я и потеряла нескольких Змей, это ничто по сравнению с уроном, который понесли бандиты, но, пока мои ребята празднуют победу, я пребываю в напряжении и неуверенности. Бронн считает, это из-за того, что я по-прежнему боюсь стать такой же, как Адлер, но дело не только в этом. Не такое правосудие я воображала себе на Востоке.

Как бы то ни было, бандитов на свете еще хватает, включая самую опасную и пользующуюся дурной славой шайку под предводительством зверюги по имени Карн. Им удавалось всякий раз уходить у нас из-под носа, настолько сильна их сеть запугивания. Ближе всего мы подобрались к ним, когда захватили тайник с оружием, которое забрали себе. Совсем несложно представить, что Карн захотел подослать ко мне убийцу, – уверена, что он с удовольствием прикарманил бы титул Гадюки, – но во что поверить сложно, так это в то, что кто-то из его людей окажется настолько искусным, чтобы поймать нож на лету.

Я опускаюсь на холодную землю и думаю о Торине, нервно постукивая ногой. Успел ли целитель? Или все уже кончено? Закрыв лицо ладонями, я борюсь со слезами. Я уже потеряла Грейс, мою сестру по всему, кроме крови. Я не могу потерять и его тоже.

Стоило ли мне воспользоваться волшебством, чтобы помочь ему? Смогла бы я? С тех пор как я покинула Эстер на Восьмом острове, у меня не было времени подумать об этой своей стороне, обо всех возможностях, которые я оставила позади, отвергнув ее предложение научить меня стать волшебницей. А может быть, я просто не позволяла себе как следует об этом подумать. Я приняла решение бросить Запад, сосредоточиться на восстановлении мира на Востоке, а в этой войне волшебству не было места. Я похоронила часть себя, ту дикую, неуправляемую силу, которой так боюсь и которой так сильно жажду.

Я бьюсь головой о стену, отчаянно пытаясь освободиться от сводящих с ума мыслей.

Нет, мое желание воспользоваться волшебством было всего лишь глупым порывом. Я бы не знала, с чего начать, – вот правда, которая гложет меня. А если бы я позволила Эстер научить меня, когда она предлагала, смогла бы я исцелить Торина?

Ответов нет. Можно только ждать. Я ничего не сделаю, пока не узнаю, что Торин выживет.

Когда наступает рассвет, слышу приближающиеся шаги. При виде гостя сердце начинает биться чаще, но я не шевелюсь.

– У вас пять минут, – говорит ему тюремщик и оставляет нас одних.

Я подбегаю и хватаю руки Шарпа через решетку.

– Как он?

– Жив. – Шарп крепко пожимает мою руку. – Пока.

Мое облегчение настолько ощутимо, что его, кажется, можно пощупать.

– Слава богу!

Шарп качает головой:

– Он без сознания, Марианна. Не просыпается.

– Не переживай, это неплохо. Ему нужно набраться сил. Видимо, целитель дал ему снотворного.

Я чувствую, как тяжесть ночи соскальзывает с моих плеч, и очень хочу заверить Шарпа в том, что теперь все будет хорошо. Однако его лицо остается каменным, и он продолжает качать головой.

– Ты не понимаешь, – говорит он. – Я уверен, что целитель его усыпил. Только не затем, чтобы он выздоровел.

Наконец до меня доходит смысл его слов:

– Они не хотят, чтобы он подтвердил мою невиновность.

Шарп наклоняет голову:

– Извини. Король хочет, чтобы суд совершился незамедлительно. На свадьбе уже собрались все самые важные советники, все союзники в его распоряжении. Он принимает меры, чтобы избавиться от тебя.

Я не отвечаю. И я не удивлена.

– Есть еще кое-что, – продолжает Шарп. – Он распорядился обыскать твои покои. – Он крепче сжимает мою руку.

– Он забрал документ, ты об этом?

Разумеется, король был бы не прочь уничтожить доказательство того, что готов уступить трон Торину. Шарп кивает:

– Он не хочет, чтобы ты осталась в живых, Марианна.

Конечно не хочет. Но что он будет делать со своим сыном?

– А Торин?

– Не знаю, – отвечает Шарп с тревогой. – Может быть, король надеется, что без тебя Торин не представляет собой угрозы. Вероятно, он разбудит его, как только…

– Как только умру я.

– Я боюсь за него, – признается Шарп. – Но не думаю, что король убьет Торина.

И все же я начинаю подозревать, что он уже предпринял эту попытку.

– Ты ведь знаешь, что я тут ни при чем?

Мой вопрос не громче шепота. Ответ значит для меня все.

– Я не был бы здесь, если бы хоть на мгновение подумал, будто виновата ты.

На лице его появляется легкий намек на улыбку, впервые за долгие месяцы. Если он таким образом подает мне сигнал дружбы и поддержки, это срабатывает.

– Спасибо тебе.

– Я сделаю все, чтобы помочь, – говорит он, хотя мы оба знаем, как это будет мало.

– Шарп, можешь передать кое-что на словах моей команде? Не представляю, как они на это среагируют, но скажи, чтобы не высовывались. Островам только не хватало, чтобы на следующий день после нашего союза мы объявили войну королю.

Тюремщик возвращается, поэтому Шарп только кивает.

– Будь осторожна, – добавляет он и последний раз пожимает мне пальцы.

– Присмотри за ним, – кидаю я ему вслед.

И вот его уже нет, а я снова одна.

Кровь моя кипит от бешенства. Неужели это правда? Неужели король нанял кого-то убить Торина только затем, чтобы сохранить власть? Достаточно было одного кивка Брэйдона, сообщающего, что меня нет в комнате, и король отправил туда убийцу, чтобы не осталось никого, кто заставит его отречься. Или он намеревался расправиться с нами обоими? Превратить наше брачное ложе в смертный одр?

Больше я весь день никого не вижу. Ни еды, ни воды мне не приносят, а к следующему утру становится понятно, что и не принесут. Очевидно, такова королевская тактика. Уморить меня голодом, ослабить. Но он забыл о том, что я, как и подавляющее большинство населения, многие месяцы голодала. Пока он распоряжался львиной долей провианта и набивал пузо, мы довольствовались самым малым. Я могу поголодать еще несколько дней. Не впервой. А что

касается одиночества, что ж, можно сказать, что я его предпочитаю.

Однако я четырежды вижу сквозь трещины в стене восход и закат Луны, прежде чем мое уединение нарушается. Появляется тюремщик в сопровождении трех стражников. То, с какой жадностью они меня оглядывают, моментально раскрывает их намерения, а я, хоть и устала, но по-прежнему зла.

Я не покидаю угол, в котором проторчала два последних дня, свернувшись калачиком и пытаясь согреться, и наблюдаю, как они заходят ко мне в камеру и запирают за собой дверь. Я молчу, когда они поднимают меня на ноги и окружают, будто я для них какая-то игрушка.

Руки у меня все еще в кандалах, и это придает им храбрости. Предполагая, что я скована в движениях, они подбираются ближе.

– Поубавилось гонору-то? – заговаривает первым тюремщик. – Да и людей твоих нет, чтобы придавать тебе важности и оберегать от опасностей.

– А мы и есть опасность, – поддакивает другой.

Самый молодой из них прихватывает мой подбородок, поворачивает к себе лицом и разглядывает:

– Она совсем еще девчонка.

Говорит он как будто удивленно и с облегчением.

Мой возраст и пол убеждают его в том, что я безопасна, несмотря на то, что перед ним Гадюка. Вероятно, он полагает, будто я заслужила свой титул обманом и ложью. Как будто получить его может любой! А может, он просто думает, что я добилась власти через постель.

– Пожалуйста, – говорю я тихо, разыгрывая беззащитность. – Не нужно этого делать.

Они гогочут, и тюремщик подходит ближе.

– Не стоит просить, – отвечает он, и его голос внезапно теряет насмешливость.

Я поднимаю глаза, наши взгляды встречаются, и теперь в моем голосе нет ни малейшего намека на слабость:

– Я и не прошу. Я предупреждаю.

И делаю ход первой, опережая их. Ударом ладони в лоб отбрасываю тюремщика назад. Пока он оглушен, подныриваю под кулак, летящий в меня справа, и сама бью в грудь тому, кто находится слева. Вес кандалов в прямом смысле играет мне на руку, в груди противника что-то ломается, и он с визгом рушится на пол.

Двое оставшихся переходят в наступление. Я кидаюсь на тюремщика, забрасываю запястья в кандалах ему за шею и, используя его как опору, подбрасываю ноги и бью второго стражника в горло, отчего тот теряет сознание. Все это происходит для тюремщика слишком быстро, он не поспевает за мной, и я, перекинув свое тело, оказываюсь у него за спиной и начинаю душить. Он дико машет руками, пытаясь меня остановить, а я давлю, пока он не отключается.

Остается самый молодой из охранников. Он стоит в дальнем углу с таким видом, будто обмочился. Я освобождаюсь от тела, лежащего теперь на полу, подхожу к нему, прихватываю за ворот и припечатываю к стене.

– Передай королю, что он все еще недооценивает меня, – говорю я, и мой голос больше похож на рык, чем на человеческую речь. – Передай, что следующих засланцев ему придется выносить из моей камеры вперед ногами, усек?

Стражник кивает. Его лоб в поту.

– Молодец. – Я отпускаю его. – А теперь вытаскивай отсюда этих свиней.

Тот, у которого повреждена грудь, уже ползет к двери, так что молодой выволакивает двух остальных. Он так спешит убраться от меня подальше, что чуть не забывает запереть за собой камеру.

Только когда они уходят и кровообращение восстанавливается, о себе заявляет боль. Во время драки я каким-то образом умудрилась вывихнуть плечо, которое

мне поранил убийца.

Черт!

Придется его вправлять. Уперевшись ладонью в стену, я делаю глубокий вдох и всем весом налегаю на руку, вставляя кость на место, после чего теряю сознание. Прихожу в себя уже на полу, дрожащая и изнемогающая от боли, зато у меня получилось. Я не предпринимаю попыток подняться. У меня нет сил. Но мучения того стоили: среди царящего хаоса я слямзила ключ с пояса тюремщика так, что молодой стражник этого не заметил, и сейчас мне даже не нужно ползти, чтобы припрятать его в одной из трещин в стене.

Хотя я не думаю, что стражи попытаются повторить попытку, едва ли произошедшее ускорит появление еды и воды. За свое унижение они наверняка отплатят мне наказанием, так что моя голодовка продлится до тех пор, пока король не предпримет ответный ход.

А когда предпримет, я буду к нему готова.

3

Через две недели после нашей свадьбы в центральном мраморном зале дворца, где обычно проводятся летние балы, собирается суд.

Королю потребовалось гораздо больше времени, чем я ожидала, на то, чтобы организовать эту имитацию правосудия, и я теряюсь в догадках относительно того, что именно его настолько задержало. Возможно, у короля оказалось меньше поддержки, чем он предполагал, и ему пришлось прибегнуть к шантажу и другим угрозам, чтобы заручиться необходимыми показаниями. Как бы то ни было, я поняла, что дела у него идут неважно, когда в камеру стали приносить воду. Я нужна ему слабая, но не мертвая. Во всяком случае, не таким манером. Уж если смерть, то публичная. Официальная.

После нашей последней встречи с Шарпом я больше не получала от него никаких весточек и могла лишь предполагать, что он не в состоянии отойти от

Торина, а потому выжидала, желая, чтобы все выглядело так, будто я сдалась. Выжидала, радуясь тому, что украденного мною ключа до сих пор не хватились. Как только мне станут известны планы короля, можно будет сбежать.

По его распоряжению меня волокут в зал рано утром. Отовсюду слышатся брезгливые восклицания. На мне та же окровавленная сорочка, в которой я была в ночь попытки убийства Торина. Я грязная и вонючая. Могу только представить, как я выгляжу, но наверняка не импозантной, не грозной и вообще не такой, какой должна выглядеть Гадюка.

Кажется, в зале сгрудилась половина Первого острова. Некогда ликующие свадебные гости превратились в глумливую толпу.

Меня заставляют ждать, посадив на стул, одиноко стоящий так, чтобы все могли поглазеть на подсудимую, чем все и занимаются, пока не появляется король. И начинается представление. Скоро становится ясно, что оно будет весьма зрелищным.

– Дамы и господа, мои дорогие островитяне, – берет слово король. – Благодарю вас за то, что пришли сегодня, хотя я глубоко сожалею о том, что ваше присутствие вообще понадобилось. Мой сын… – Он сбивается, в его голосе звучат фальшивые нотки. – Простите меня, – продолжает он, держась за грудь. Глаза его полны крокодиловых слез. – Принц Торин тяжело болен, борется за жизнь, и я хочу лишь одного – быть рядом с моим любимым чадом.

Ой, оставьте! Сомневаюсь, что король навестил Торина хотя бы раз. Как бы то ни было, меня охватывает страх. А что, если он говорит правду? Что, если состояние моего мужа настолько серьезно? Или король, как обычно, только разыгрывает роль? Может быть, мне просто встать, удрать из этого зала и пробиться в покои больного, оставляя за собой шлейф из разбросанных трупов?

Только осознание, что подобное действие поставит под удар все, за что мы сражались, – стабильность на Востоке, – мешает мне воплотить желание в жизнь. Вместо этого я сижу и заставляю себя слушать околесицу, которую несут королевские уста.

– У меня разрывается сердце от того, – говорит он, – что эта женщина, – и делает паузу, указывая на меня, – которую я принял как родную дочь, предала нас всех,

и как предала! От того, что она замешана в возможной гибели моего мальчика.

Наши взгляды встречаются, и я не вижу ни толики грусти. Лишь непреклонную решимость уничтожить меня. Теперь уже неважно, собирался ли он той ночью меня убить. Он убивает меня сейчас.

Король отводит глаза и продолжает нападки на мою персону.

– Я бы не поверил в то, что она замешана в покушении на жизнь Торина, если бы не видел этого собственными глазами. Стоит мне вспомнить, как она наклонилась над его телом, а из его груди торчит ее нож… – Он снова замолкает, чтобы собраться с силами. – Что ж, теперь вы все видите его кровь на ее одеждах.

По толпе проносится шепот ужаса и отвращения, а я смотрю на присяжных, стараясь понять их реакцию. Для моего судилища король собрал тот еще консилиум – он целиком и полностью состоит из его советников и губернаторов остальных островов. Из людей, которые ему принадлежат. По выражению их физиономий я понимаю, что представление короля нравится им ничуть не меньше, чем ему самому.

– Мне грустно об этом говорить, – продолжает король без малейших признаков грусти в голосе, – но наша Гадюка далеко не та, за кого себя выдает. Она предала нас всех, и сегодня, увы, я вынужден показать вам ее истинную суть.

Заседание продолжает Брэйдон, чего следовало ожидать, поскольку он может засвидетельствовать ровно то, что требуется королю, чтобы ему поверил каждый из собравшихся.

Король ставит его напротив присяжных, то есть я теперь смотрю почти прямо на него, хотя Брэйдон избегает встречаться со мной взглядом.

– Не расскажете ли вы суду, что случилось в ночь нападения? – просит король. Очевидно, что он совершенно уверен в том, что услышит.

– Обвиняемая покинула свадебные покои поздней ночью, желая вернуться в свою прежнюю комнату.

При этих словах по залу проходит ропот удивления: зачем невесте покидать мужа в брачную ночь? Это обстоятельство моментально вызывает подозрения.

– И она ушла одна?

Король выглядит слишком довольным для отца, жизнь сына которого висит на волоске.

– Нет, хотя она того хотела. Я настоял на том, чтобы ее проводить.

– Зачем?

Теперь Брэйдон смотрит на меня.

– Потому что я никогда не доверял ей. Она одна из Змей.

Собрание в унисон кивает, и я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза, поскольку те же самые придворные не так давно дружно подхалимствовали передо мной.

– Это так, – соглашается король. – А что произошло потом?

– Я сопроводил Змею в ее старые покои, где она пожелала остаться, чтобы возвращением не потревожить принца. Я был против, однако задавать вопросы не мое дело, так что я пожелал ей доброй ночи.

– А когда вы увидели ее в следующий раз?

Король приближается к триумфальному финалу.

– Когда ворвался в комнату принца и обнаружил ее склонившейся над ним. Ее нож глубоко вошел ему в грудь, а окно, через которое она проникла внутрь, было широко распахнуто.

От крика возмущения, огласившего зал, губы короля расплываются в улыбке, а мое сердце сжимается. Они все совершенно уверены в моей виновности. На сей

раз мне становится страшно за себя.

Когда воцаряется порядок, король снова обращается к присяжным:

– Одних этих показаний вполне достаточно, чтобы вынести ей обвинение, однако я призываю вас выслушать остальных свидетелей и таким образом в полной мере осознать, насколько далеко эта девица готова зайти, чтобы добиться власти.

Когда он говорит «девица», я свирепею. Я – Гадюка. Я сделала то, на что никто другой не отважился, – оказала капитану Адлеру сопротивление и победила. Король нарочно подбирает слова, которые подорвут мою репутацию, приуменьшат мои заслуги, так что даже страх не мешает мне вскипеть.

Брэйдон покидает трибуну, и король одного за другим выводит на его место людей, которые порочат мое имя. Начинает он со стражей, большую часть которых я никогда в жизни не видела, и которые приводят выдуманные примеры моего «превышения власти». Не думаю, что кто-нибудь из слушателей действительно верит в то, что я носилась по комнатам и удовольствия ради выплескивала вино из бокала в лица стражникам, но это не важно. Понятно, что король раззадоривает толпу.

Далее приглашаются горничные, которые одевали меня к свадьбе и которые теперь утверждают, будто я делилась с ними своими сомнениями относительно замужества. Будто я была самой безрадостной из всех невест, каких им только приходилось видеть. Будто я признавалась в том, что выхожу за Торина сугубо ради его трона. Они смотрят в пол и повторяют слова, которые им велено говорить. Мне их жалко. Я не верю, что они пришли сюда по собственному почину, и мне страшно думать, какими угрозами их вынудили это сделать. Причем, хотя я никогда ничего подобного не говорила, в их обвинениях есть доля истины. Я и в самом деле была невестой по принуждению. Вот только вовсе не из тех соображений, которые они могли бы вообразить.

Когда с горничными покончено, наступает черед старших советников. Первым на трибуну поднимается лорд Пьер, королевский попечитель шахт Шестого острова и кузен короля. Хотя я никогда с ним прежде не общалась – и даже не слышала о его существовании до свадьбы, – он умудряется взглянуть на меня с таким омерзением, будто мы заклятые враги.

– Я давно советовал принцу не жениться на этой женщине, – заявляет он, как будто был против свадьбы, на которой несколько дней назад смеялся и пил вместе с остальными. – Но она совершенно околдовала его.

Король глубокомысленно кивает, будто сам всегда придерживался того же мнения:

– Поясните, почему? Разве вы не хотели, чтобы у вашего племянника была сильная вторая половина?

– Моему племяннику я не желаю ничего, кроме счастья, и очень надеюсь, что он скоро пробудится от сна, в который его погрузила эта колдунья. Потому что он первым укажет обвиняющим перстом на эту дьяволицу.

Он не скупится на яд.

Король хмурится. Его наигранное удивление все так же увлекает толпу.

– Дьяволица? Это сильное слово, кузен. У вас есть основания так ее называть?

Лорд Пьер кивает:

– Отец не раз брал обвиняемую с собой на Скалистый остров. Она была его тайным оружием. Она шла сквозь толпу, как охотница, а когда замечала добычу, набрасывалась на нее. Богатыри размякали от ее медовых слов, мужья бросали жен. Одного ее поцелуя хватало, чтобы обречь на смерть. Адлер грабил этих людей, Шестой, корону, используя ее умение соблазнять, – и убивать.

Король смотрит на меня и морщит нос.

– Уверен, что многие из вас, как и я, с трудом верят, что подобная женщина в состоянии хоть кого-нибудь соблазнить.

По залу пробегают смешки, потому что да, я далеко не в лучшей форме. Я смотрю на короля с особым отвращением. Он однажды пытался сам соблазнить меня, и еще неизвестно, сколько из того, чему он сейчас меня подвергает, делается в наказание за то, что я его отвергла.

– Можете ли вы привести пример ее безнравственности?

При этом вопросе короля лорд Пьер раздувается от важности.

– Разумеется. Капитан Адлер надеялся, что с уменьшением поставок хрусталя стоимость его собственных запасов увеличится. Так получилось, что я знаю наверняка о задании по саботажу шахт на моем острове, которое она получила от Адлера. Ее действия – непосредственная причина бедствий на Востоке.

Слышны вздохи удивления, один из которых – мой. Он только что обвинил меня во всем – всем, – что пришлось пережить Островам. Как он смеет? Я отчаянно хочу защищаться, но держу рот на замке. Все, что я скажу, будет использовано против меня. Если я рассержусь, это воспримут как доказательство моей жестокой натуры, если заплачу, это подтвердит мою слабость. Так что пока мое лучшее оружие – молчание.

Теперь король качает головой, как бы с недоверием, хотя видно, что он доволен подобным заявлением.

– Так она и есть причина всех мучений, которым якобы хочет положить конец? Выходит, нет пределов ее низости.

Никто не спрашивает Пьера, откуда он что-то знает «наверняка», и не просит предъявить хоть какое-нибудь доказательство в подтверждение сказанного. Его просто отпускают.

У короля в запасе еще множество свидетелей вроде него. Люди, обремененные властью, которые врут о том, какие безнравственные делишки я им предлагала после того, как стала Гадюкой: дополнительный хрусталь в обмен на их преданность, убийство врагов за обещание поддержки. Взятки, которые они запросто могли принимать от Адлера, но на которые никогда не согласилась бы я. Чем больше я их слушала, тем вернее убеждалась в том, что эти люди виновны во всех вышеуказанных преступлениях против короны, так что король просто заставил их таким образом признаться, пригрозив иначе засадить в тюрьму. Очень похоже на то, что он сам решил расправиться со мной вместо того, чтобы воспользоваться бесконечными предложениями оскорбленных сторон прикончить меня.

Но когда на меня начинает жаловаться посол Четвертого острова, мне становится труднее его выслушивать, потому что я ощущаю свою ответственность. С тех пор как Адлер спалил остров, чтобы наказать меня, там больше ничего не растет. Все волшебство, теплившееся в земле, полностью испарилось, и остров умер. Это правда, которую мне тяжело выносить, поскольку один уголок острова я любила так сильно, что не пожалела бы ничего, лишь бы восстановить весь островок в его прежней красе.

Посол обвиняет меня. Обвиняет в том, что пожар на остров принесла моя вражда с отцом, мол, я мечтала захватить власть Гадюки. Я прокляла эту землю и убила сотни невинных.

Король, конечно же, решил не замечать тот факт, что Адлер предал его, поэтому в итоге меня рисуют злой дочерью, которая настолько охвачена жаждой власти, что убила человека, по-прежнему считающегося моим отцом.

Настоящая дьяволица.

В этот момент король объявляет перерыв, чтобы предложить присяжным роскошное застолье. Меня возвращают в камеру, где мне не остается ничего, кроме как оценивать ход событий.

Один из вопросов, который я хотела прояснить для себя во время суда: кто мои враги? Легко предположить, что сегодня их еще прибавилось, и можно сделать вывод, что все присяжные охотно подпишут мой смертный приговор. Они все у короля в кармане. Но я подозреваю, что большинство из тех, кто давал показания, не имеют ничего против меня – они просто спасают собственные шкуры.

Если бы Торин очнулся и снял с меня все эти обвинения, я уверена, что мнение в поддержку смертной казни было бы не таким единодушным. Расправиться со мной подобным образом – смелый ход, и потому я боюсь, что король пойдет на все, лишь бы Торин не пришел в себя.

О, лишь бы он проснулся, лишь бы выжил!

К тому моменту, как тюремщик со стражниками возвращаются, чтобы препроводить меня обратно в импровизированный зал суда, я готова к любому

новому выпаду короля. Я могу противостоять лжи. День и так уже кошмарнее некуда. Разве может быть хуже?

Однако тюремщик не один. Рядом с ним, явно изнывая от мерзкого окружения, идет король. В столь грязном месте он выглядит неестественно чистым, кожа у него бронзовая от солнца, волосы умаслены. И вместе с тем он не в состоянии скрыть победоносного выражения. У меня сжимается сердце.

– Оставь нас, – обращается король к тюремщику.

У того разочарованно вытягивается лицо, но он с поклоном удаляется.

Король и я смотрим друг на друга через решетку с одинаковой ненавистью.

– Знаешь, – говорит король, намереваясь дотронуться до решетки, но вовремя передумывает, – а ведь я бы сдержал слово.

Я невесело усмехаюсь:

– Вы бы отреклись?

Он улыбается и качает головой:

– Нет, этому не бывать никогда. Я про то, что женился бы на тебе. Помнишь, как ты приходила ко мне за помощью? Я бы сделал тебя своей королевой, и всех этих неприятностей можно было бы избежать.

– Тогда бы Адлер до сих пор терроризировал Острова и пришел бы по вашу душу.

Король бросает на меня недобрый взгляд:

– Вместо него пришла ты. И за моим сыном.

Я нерешительно пытаюсь найти в его лице намеки на правду.

– Что вы имеете в виду? Я же вам уже сказала, что не имею к тому, что случилось с Торином, никакого отношения.

– Ты такая же лгунья, как и твой папаша. Как только ты заручилась королевским союзом, который был тебе так нужен, ты попыталась убить принца, и я нисколько не сомневаюсь, что следующим на очереди был бы я, если бы тебя не схватили.

Мысли пускаются галопом. Он искренне верит в то, что я виновна. Он не подставляет меня. Он меня наказывает. Если это так, то я тоже ошибалась. Убийцу подослал не он. А значит, я понятия не имею, откуда он взялся.

Я делаю шаг вперед, так что теперь нас с королем разделяет лишь холодная сталь.

– Повторяю, что я этого не делала. Что бы вы обо мне ни думали, как бы ни хотели сохранить трон, вы должны спасти Торина.

На мгновение мне кажется, будто он мне верит, но его губы уже кривятся в жестокой усмешке.

– Твои фокусы на меня не действуют, – говорит он. – Твоя отчаянная попытка захватить престол провалилась. И я благодарен тебе за нее, правда. Ты упростила мне жизнь. Я скажу тебе, что произойдет дальше. Завтра тебя казнят за измену. Торин в полной безопасности. Рана его заживает, а настой, который дает ему целитель, вполне питателен и, что еще важнее, не позволяет прийти в сознание. Однажды я разрешу сыну проснуться, но не раньше, чем удостоверюсь, что он не может украсть то, что ему не принадлежит. А я буду королем еще долго после того, как твое имя развеется по ветру.

Пытаюсь схватить короля, но кандалы ударяются в решетку, так что я лишь едва дотрагиваюсь до его пальцев. Он победоносно отступает.

– Вы тут единственный изменник, – кричу я ему вслед. – Я заставлю вас за это расплатиться. Прольется ваша кровь, не моя!

Ко мне с улыбочкой подходит тюремщик, и наши взгляды скрещиваются. Он держит в руке ключ. Надежда покидает меня.

– Думаешь, я не знал, что ты его сперла? – говорит он. – Я хотел сразу забрать, однако король решил, будет забавнее, если ты поверишь, что можешь улизнуть. И он был прав.

По мере того, как его ухмылка становится шире, мое сердцебиение учащается. Он отпирает дверь, и дюжина стражей хватают меня. Затем тюремщик вешает ключ на крючок так далеко, что мне не дотянуться.

– У тебя остался только один выход отсюда – через виселицу.

Впервые за все время моего заключения я испытываю приступ паники, волна жара пробегает по коже, просачивается в самое нутро. Без ключа из этой камеры не выбраться. Я проверила каждый закуток. И меня теперь слишком строго охраняют, чтобы успешно прорваться силой.

Стражи выталкивают меня из камеры, и мы снова идем темными туннелями в сторону спиральной лестницы, ведущей в основную часть замка. С каждой ступенькой отчаяние становится все сильнее и отчетливее – я была так уверена, что смогу перехитрить короля, что суд происходит лишь потому, что я этому не препятствую. Какой же я была дурой! Я позволила ему выполнить задуманное и теперь совершенно не знаю, что предпринять.

Король благодарит и присяжных, и всех присутствующих за внимание с гораздо большим энтузиазмом, чем во время своей свадебной речи.

– Полагаю, что за сегодняшнее утро вы все узнали нашу Гадюку получше, – говорит он так, будто разоблачения ранили его самого. – Но я боюсь, что худшее еще впереди: о натуре обвиняемой расскажут те, кто знает ее лучше кого бы то ни было.

Он хлопает в ладоши, и двойные двери распахиваются.

Толпа в едином порыве делает глубокий вдох, когда в залу входит Бронн, и я ее за это не виню. Он представляет собой гораздо более впечатляющую фигуру,

чем моя. Каждый мускул, каждая линия тела говорит о силе. Окружающую его таинственную ауру только подчеркивают темные волосы, спадающие на лицо. Он красив. Он смертельно опасен. Он зачаровывает всех, кто видит его.

Пока он идет к королю и становится лицом ко мне, мое сердце в растерянности: замереть или помчаться галопом. Я понятия не имею, что он тут делает, однако ничем не выдаю своих чувств, как бы мне ни хотелось подбежать и спрятаться в его объятиях.

Глядя на меня, Бронн откидывает со лба волосы и чуть прищуривается при виде моих лохмотьев. Заметив в его взгляде искорки гнева, я понимаю, что, хотя и отослала его, но все же еще не потеряла окончательно.

– Прошу вас, – обращается к Бронну король, – расскажите достопочтенному собранию, кто вы такой.

– Я Бронн, первый помощник капитана на борту «Мести девы».

– И вы подтверждаете, что эта девица… – С презрением выговаривает король, указывая на меня. – Вы подтверждаете, что она и есть ваш капитан?

Он говорит так, словно это самое нелепое заявление на свете. Бронн смотрит на меня, и всем присутствующим наверняка кажется, что он меня ненавидит.

– Нет.

Это заявление вызывает потрясенное перешептывание, а я вдруг замечаю, что не дышу. Я понятия не имею, что сейчас произойдет. Король, однако, упивается каждым мгновением. Публика ведет себя именно так, как он надеялся.

– Нет? – Король изображает удивление. – Почему же?

– Потому что она ничем не заслужила звание капитана. Вообще-то она даже не Змея. Она провалила посвящение.

Король наклоняет голову так, будто услышанное опечалило его.

– Провалила. Посвящение. – На случай, если кто-то упустил столь незначительное обстоятельство. – Именно по этой причине собственный отец отрекся от нее и изгнал, не так ли?

– Да, – отвечает Бронн. – Она не смогла сделать то, что от нее требовалось.

– И тогда эта девица, которая официально даже не состоит у меня на службе, убила своего отца, украла его должность и теперь выдает себя за Гадюку?

– Вообще-то она не убивала Адлера.

– Что вы сказали? – Король лишь изображает потрясение, тогда как я потрясена на самом деле.

– Марианна не убивала Адлера. Он упал. Поскользнулся на снастях и погиб от удара о палубу.

Что ж, стратегия интересная.

Король пытается это скрыть, однако я не могу не видеть, как он рад тому, что сумел заставить Бронна согласиться на подобное вранье.

– Хотите сказать, что ее притязания незаконны? Как же она сумела обмануть команду корабля?

Бронн вздыхает:

– Я помог. Команда принимает ее исключительно потому, что таково мое распоряжение. Люди верны мне.

– А зачем же вы так распорядились?

Бронн отвечает непосредственно присяжным:

– Потому что она мне заплатила.

Король выражает отвращение:

– Заплатила? И это в наши тяжелые времена?

– Да, она обещала, что, став королевой, отдаст мне всю власть и все богатства, о которых я только могу мечтать. Я согласился.

– Став королевой. – Король с удовольствием повторяет любимые фразы из этой чертовой байки. – То есть вы считаете, что она уже давно метила на трон?

– Да. Она обманом заставила вашего сына на себе жениться, хотя не любит его, и намеревалась свергнуть вас, как только он окажется в могиле.

– Вы не знаете наверняка. – Король поднимает брови.

Бронн смотрит прямо на меня с такой свирепостью, что мне становится жарко.

– Знаю. Она мне сама говорила.

По залу проносится ропот негодования, и взгляд короля горит удовлетворением. Бронн проделал серьезную работу по дискредитации меня. С его слов я предстаю настоящим врагом короны. Пытаюсь уловить в его лице хоть малейшие признаки истинных намерений, но не могу. Остается только ему доверять.

Когда порядок в зале восстанавливается, король снова обращается к Бронну:

– Вы только что признались в том, что согласились на подкуп во вред короне, и я уверен, вы понимаете, насколько это серьезное преступление. Так почему бы мне не посадить вас под замок как изменника?

– Потому что я раскаиваюсь в содеянном и вернул вам все деньги. Надеюсь, что мои сегодняшние показания в какой-то степени искупят мою вину.

Король первоклассно разыгрывает снисхождение. Прощение.

– Я должен задать вам еще вопрос. Кому вы присягаете на верность?

Бронн смотрит ему глаза в глаза.

– Вам, ваше величество. Я всегда служил и всегда буду служить Восточным островам. Я приносил клятву королю и остаюсь ей верен.

Король согласно кивает:

– А могли бы вы для тех, кто не знает, подтвердить, что сами прошли свое посвящение?

Бронн играет желваками.

– Да, прошел. Без колебаний и сомнений.

Он завоевал сердца всех присутствующих в зале. Они любят его. Они им восхищаются. И тогда король наконец-то произносит те слова, к которым все это время подводил:

– Думаю, мы все можем согласиться с тем, что обвиняемая не просто незаконный узурпатор. – Король выдерживает паузу, чтобы согласие выразилось неизбежным гулом одобрения. – Поэтому я повелеваю незамедлительно лишить ее титула и передать его этому человеку, который продемонстрировал несгибаемую верность своему королю и народу. – Он подходит пожать Бронну руку. – Поздравляю, теперь вы мой Гадюка. Можете приступать к вашим обязанностям немедленно.

– Благодарю, ваше величество.

И он уходит не оглядываясь, оставляя меня наедине с чувством, что я никогда больше не увижу его. Что мне никогда не представится возможность раскаяться в том, что я оттолкнула его в тот день. Что никогда не смогу сказать, как признательна за то, что он только что сделал, зная, чего ему это стоило.

Потому что Бронн – мастер скрывать правду, заставлять людей думать так, как ему хочется. Я уверена, что он сейчас прилюдно предал меня, чтобы сохранить

жизни всех, кто находится на борту «Девы». Он не хуже меня знает, что, если король и Гадюка станут врагами, все наши труды по возрождению островов моментально пропадут даром, так что заодно он спасает и народ. Кроме того, он верит мне – верит, что у меня есть план действий после суда.

И все же…

Между нами всегда была невысказанная правда. Бронн считался наследником Адлера. И хотя он никогда об этом не заикался, я знаю, что Бронн всегда мечтал капитанить на «Деве». Быть Гадюкой.

Теперь он им стал. А мои собственные сомнения подняли свои гадкие головки.

Сейчас о них нет времени размышлять, потому что король объявляет выступление последнего свидетеля. Последний нож мне в спину. Я не знаю, кто может ударить меня больнее, чем Бронн…

…пока не вводят Шарпа.

Мне сразу делается понятно, почему я не получала от него вестей с тех пор, как он навестил меня: его пытали.

Увечья надежно скрыты, так что для всех присутствующих в зале следы насилия незаметны, но я-то знаю их признаки. По тому, как он плетется, понятно, что у него переломаны пальцы на ногах, многочисленные синяки, возможно, треснутые ребра. Он морщится, когда стражник трогает его за спину, и я могу лишь представить себе глубину ран, оставленных на коже плетью.

Я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не броситься на короля и не свернуть его трусливую шею. Вместо этого я сдерживаю ненависть, чувствуя, как она отравляет все мое существо.

Как же мне не терпится заставить их расплатиться за это. Чем они будут расплачиваться?

– Представьтесь, пожалуйста, уважаемому собранию, – обращается король к Шарпу так, будто они близкие друзья.

– Я бывший телохранитель принца Торина.

Голос у него настолько хриплый, будто он много дней только и делал, что кричал.

– Вы ведь знали друг друга с детства, не так ли?

– Да, с детства. Его защита была для меня не просто работой. Принц был моей семьей.

– А не могли бы вы пояснить, почему, при всей вашей преданности, вы больше не являетесь его телохранителем?

Шарп робко поднимает руку, чтобы указать на закрывающую глаза ткань, и от ощущения его боли, сопровождающей это движение, у меня ноет сердце.

– Я потерял зрение.

Королю уже не терпится, чтобы Шарп побыстрее закончил со своим рассказом.

– И как же вы потеряли зрение? По долгу службы?

– Нет. Из-за Марианны.

Я сглатываю. Сейчас будет совсем гадко.

Король приближается к Шарпу и кладет руку ему на плечо. Большинству это представляется жестом успокоения. Я же читаю в нем явную угрозу Шарпу – подчиняйся.

– Я понимаю, что вам тяжело, – говорит король, – но, пожалуйста, расскажите нам в точности, как это произошло.

Шарп задумывается, и, чем дольше он молчит, тем понятнее становится, что ему предстоит.

– Я никогда не любил Марианну, – начинает он наконец. – Когда она обвенчалась с принцем Торином, я попытался поднять голос и предупредить его о той опасности, которая кроется в союзе с Гадюкой. Но у принца щедрое сердце, и он не хотел ничего слышать. Она же понимала, что я представляю собой угрозу ее замужеству, ее планам. Поэтому она убрала меня с глаз долой.

– Она с вами это сделала? – Король в ужасе.

– Да. Она обманным путем осталась со мной наедине и лишила меня зрения.

Вот он, последний гвоздь в крышку моего гроба. Люди вскакивают на ноги, призывают к моей немедленной смерти, требуют казни. Я сдерживаю слезы. Неужели это конец? После всего, через что я прошла, что потеряла, неужели все теперь обернется полным провалом?

– Почему вы не рассказали принцу? – интересуется король, когда порядок восстановлен. – Не показали ему ее истинной сути до того, как они поженились?

– Я пытался, – отвечает Шарп. – Но любовь – могучая сила. Люди готовы пойти на все ради любимых. Защищать их любой ценой.

Последняя фраза адресована исключительно мне. Шарп говорит, что проделал все это ради спасения Торина, и я понимаю. Король всегда был против любви между своим сыном и его помощником, и воспользовался ею, чтобы шантажировать Шарпа. Между пытками и угрозами король не оставил Шарпу другой возможности, кроме как произнести эту ложь, и я нисколько не виню его за это. Он поступил правильно.

Настало время королю заканчивать этот фарс, пока публика жаждет крови. Он поспешно призывает присяжных вынести вердикт, на который у них уходят считанные мгновения.

Я признана виновной в измене. В попытке убить своего мужа. В заговоре с целью свержения короля. С первыми лучами солнца меня повесят.

Из зала суда под усиленной охраной меня выводят в состоянии шока. Проклятия, летящие из рядов зрителей, почти не доходят до моего сознания, поскольку в

голове гудит одно – что теперь?

Я могла бы заявить о своей невиновности, указать на то, что, если я и в самом деле настолько бессердечная убийца, как меня тут изобразили, Торин едва ли сейчас дышал бы, но кто станет слушать? Король полностью меня растоптал. Если я не найду выхода, через несколько часов меня не станет.

Думай, Марианна.

Окажись в подобном положении Бронн, у него был бы план. Он бы знал все закоулки, все выходы из дворца. Я провела тут перед свадьбой не один день, однако не догадалась продумать план побега. Убийца из меня и впрямь никудышный.

Возможно, окажись при мне всего один или два стражника, я бы побилась с ними и ускользнула. Но, приняв во внимание то, что произошло в прошлый раз, когда меня недооценили, они больше ничего не пускают на самотек. Ко мне приставлена дюжина охранников. Будь я даже в лучшей своей форме, это стало бы серьезным испытанием. При моей нынешней слабости это просто нереально.

Когда меня бросают в мою сырую темницу, все вообще становится неважно. Без ключа я тут в ловушке до тех пор, пока они ни придут снова, чтобы отвести меня на виселицу.

Я соскальзываю по стене, борясь с отчаянием. Судилище научило меня лишь тому, что король ставит власть превыше всего, включая сына.

Торин. Всякий раз, когда я о нем думаю, мое сердце сжимается от страха самого худшего. Какая участь его ждет? Не заставит ли отец его заснуть вечным сном? Или хотя бы на долгие годы? Сможет ли его тело выжить в таком неестественном сне, будучи уже ослабленным раной?

Поток мыслей сворачивает к моей собственной судьбе. Я ощущаю кожей веревку, грубую, царапающую, ощущаю, как она затягивается и выдавливает из меня жизнь. Какое-то мгновение мне представляется, что Бронн прорывается на место казни, спасает меня и сжигает дворец дотла. Но я тут же улыбаюсь собственной глупости. Он не станет рисковать командой ради такого бессмысленного предприятия. Что толку, если мы погибнем оба? А может, он

придет посмотреть, и тогда его лицо станет последним, что я увижу перед тем, как меня поглотит темнота?

Нет. Я больше никогда его не увижу. Мой всхлип отдается в ночи одиноким эхом.

Но если мне суждено умереть, я не покажу своих страданий. Я Гадюка, нравится это королю или нет, я выстою до конца. Я молча вспоминаю имена всех присяжных, подписавших мой смертный приговор. Они еще пожалеют, что встали на сторону короля. Даже если мне не удастся прийти за ними с того света, я уверена, что Бронн найдет способ расквитаться с ними за мою смерть.

При звуке приближающихся шагов я вскакиваю на ноги. До рассвета еще далеко, и я не могу взять в толк, с какой целью меня кто-то решил проведать. К моей камере направляется незнакомый стражник с блюдом в руке.

– Последний ужин, – говорит он хриплым и резким голосом.

Я хмурюсь, но подхожу, чтобы рассмотреть содержимое блюда.

– Зачем королю разбазаривать еду на покойников?

– Не уверен, что это можно назвать едой, – отвечает он с ухмылкой.

Я протягиваю руку к принесенной буханке хлеба, ударяю ею по железу решетки, и хлеб отзывается так, как если бы был из камня.

– Жду не дождусь, – говорю я, собираясь положить дары обратно на блюдо, но стражник уже отходит.

– Не подавись, – говорит он и поворачивается, собираясь удалиться, – а то испортишь завтрашнее представление.

Он уходит раньше, чем я успеваю задать ему наболевшие вопросы. Есть что-то странное в том, как он предупредил меня, что-то неестественное, что вызывает во мне подозрения, почти рождает надежду… и, если к этим ощущениям вообще стоит прислушаться, сейчас самое время.

Я впиваюсь в черствый хлеб ногтями, что непросто, и расковыриваю до тех пор, пока не укалываю палец обо что-то, прячущееся внутри. Игла.

Шарп. Должно быть, он нашел способ передать ее мне, вот почему я не видела этого стражника раньше. Я молча благодарю его. Он дал мне шанс, и я не упущу его.

Тюремщик и двое других охранников сидят в дальнем конце тюрьмы за столом и во что-то играют. Они уже наелись и напились, пытаясь не заснуть, и теперь не обращают никакого внимания на то, что творится в камерах, которые, как им кажется, надежно заперты.

Присев на корточки, я тянусь пальцами, пока не нащупываю замок на решетке, и между делом вспоминаю Грейс, которая вот так же спаслась из королевской темницы. В тот день она открыла замок шпилькой для волос, но игла тоже сгодится, а ощущение присутствия моей подруги настолько сильно, будто она сама стоит рядом и смотрит, как движется защелка. Я медленно и беззвучно перетягиваю цепь через прутья и собираю в ком. Это оружие лучше, чем никакого.

Я подползаю к стражникам сзади и, застигнув их врасплох, обрушиваю цепь на затылок тюремщика. Он заваливается вперед. Двое других вскакивают на ноги, но они пьяны и плохо соображают. Я хлещу цепью по пальцам того, кто ближе, и он кричит, а его меч звякает об пол. Не давая ему времени на размышления, я снова взмахиваю цепью, удар приходится в лицо и валит его с ног. Третий только наблюдает, застыв от страха, и теперь смотрит на меня умоляюще. Я могу позволить ему убежать, но тогда он поднимет тревогу. Жалость неуместна. Я подбираю упавший меч, готовая к поединку, но он жалобно поднимает руки и сдается. Я упираю лезвие ему в грудь.

– Ключи есть? – спрашиваю, указывая на железяки, все еще стесняющие мои запястья.

Он кивает.

– Тогда открывай.

Он трясущимися руками ищет нужный ключ, наконец находит, вставляет в замок, и кандалы падают. Резкий удар рукояткой меча в висок, и он больше не проблема. Смотрю на всю троицу, с которой оказалось так легко справиться, и качаю головой. Сколько же они выпили?

Правда, их недееспособность пошла мне на пользу. Меняя меч на кинжал, что висел у тюремщика на поясе, я обдумываю свои дальнейшие шаги.

Прежде всего, мне нужно найти Торина, увидеться с ним, по возможности помочь. Замок спит, так что легко двигаться через тени незамеченной. По коридорам в недрах замка ходят редко даже в оживленные часы. У меня появляется обманчивое чувство безнаказанности, и я представляю себя единственным привидением, которое бродит по ночным залам. Но стоит мне добраться до крутой винтовой лестницы, соединяющей главную часть замка с подземельем, как я слышу голоса. Множество голосов. Приникнув к полу, я заглядываю за угол, и мое сердце обрывается. Самоуверенно оставив всего троих стражей у камер, король определенно не поленился обезопасить остальной замок. Никакие средства предосторожности не позволят мне пробраться мимо целого полка, расквартированного в этом проходе, а если я вздумаю предпринять попытку прорваться силой, то встречу смерть раньше времени. Ругая себя последними словами, я спешу обратно вниз по лестнице. Должен же быть другой выход. Я бегу тем же путем, каким попала сюда, но все двери оказываются запертыми, так что возвращение в камеру неизбежно. И тут только я замечаю его. Прямо перед входом в темницу – узкий проход, уводящий влево. На стене с этой стороны нет факелов, однако далеко впереди я вижу маячок серебристого света и бегу к нему. И только в самом конце прохода я понимаю, почему король не позаботился о дополнительной охране. Лунный свет пробивается через крохотное окошко с западной стороны замка. За ним отвесная горная пропасть. Это не выход. Это верная гибель.

– Заключенная сбежала!

Крик мчит ко мне, отскакивая от каменных стен, и я шепчу проклятие. Нужно было укокошить этих стражей, а не просто отрубить. Они знают, что я где-то здесь, как зверек в западне. Снова смотрю на окно. Если я не хочу оказаться пойманной, это мой единственный шанс.

Я и так уже покойница. Так уж лучше смерть на воле. А потому я подтягиваюсь на каменном уступе и распахиваю окошко.

4

Должно быть, идет дождь. Не проходит и нескольких минут спуска, как я вымокаю насквозь, сорочка облепляет тело, пальцы, цепляющиеся за скользкие поверхности камней, леденеют.

Я втыкаю кинжал в узкие щели, и это дает мне пусть ненадежную, но опору, но щелей мало, и я двигаюсь медленно. Однако другого пути, кроме как вниз, у меня нет, так что я продолжаю начатое, понимая, что пройдет совсем немного времени, и на мои поиски бросится все королевство.

При этом я не могу отделаться от ощущения, что выбрала неверный путь. Я бросаю Торина. Спасая собственную шею, оставляю его на сомнительную милость отца. Я клянусь, что, если мы оба выживем, я вернусь за ним, но эта клятва никак не успокаивает мою совесть.

Ветер дует снизу, и я серьезно жалею о том, что не прихватила накидку стража и не забрала его меч. Промерзшая до костей, я дрожу и трясусь, пытаясь не выпустить кинжал и смаргивая слепящие капли дождя.

Все происходит в одно мгновение. Нога соскальзывает, кинжал не успевает войти достаточно глубоко, чтобы удержать резкую прибавку в весе, и я соскальзываю, падаю, падаю быстро, так быстро, что у меня перехватывает дыхание. Я отчаянно пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но дождь превратил поверхность камней в гладкое стекло, а скорость скольжения мешает контролировать падение. Я почти не ощущаю боли, пронизывающей меня. Кожа рвется, кости бьются о каменную поверхность. Могу думать лишь о том, как спастись. Я часто-часто ударяю лезвием о камень, отчаянно надеясь попасть в какой-нибудь зазор, но поверхность скалы слишком тверда, слишком неуступчива.

Когда кинжал в конце концов застревает в щели и резко останавливает мое падение, от неожиданности я чуть не выпускаю его, и рывок снова выдергивает сустав в моем недавно вывихнутом плече. И вот я вишу, вцепившись в рукоятку одной рукой, которую пронизывает болью, и болтая ногами. Поначалу я слишком

испугана, чтобы что-то предпринять, но потом смотрю вниз, и меня снова охватывает паника. Пролетела я немало, однако подо мной по-прежнему огромный провал. Я пытаюсь подтянуться, в надежде закрепиться как-нибудь, но прозябание в камере не прошло даром, и мои силы уже не те, что раньше.

Что делать?

Полностью истощенная, не зная, сколько еще смогу продержаться, я прижимаюсь телом к камню и на мгновение замираю, ощущая под щекой холодную поверхность. Несмотря ни на что, даже на опаснейшее положение, в котором оказалась, я закрываю глаза. Как же я соскучилась по воле, по аромату воздуха! Я делаю медленные вдохи и выдохи, позволяя природе успокаивать мою душу, пока страх не начинает отступать.

Сквозь завывания бури я различаю негромкий шум. Легкое жужжание, исходящее прямо от горы. Я напрягаю слух, поскольку звук этот теплый и знакомый, как будто меня зовет друг. Так много времени прошло, что я не сразу узнаю то, что слышу, – робкий шепот волшебства.

Упиваясь жужжащим теплом горы, которое питает меня лучше любой пищи, я наконец понимаю ту неудовлетворенность, которая росла во мне с тех самых пор, как я покинула Запад. Отрицание той части себя, что тянулась к волшебству, создало во мне пустоту. Пустоту холодную и темную, которая ширилась с каждым днем. До сих пор я этого не замечала. Теперь это пространство заполняется и вызывает приток чистой радости даже в столь отчаянных обстоятельствах.

Волшебство почти полностью покинуло Восток, и позабытые остатки сохранились лишь в самых глубоких и темных уголках, но сейчас я каким-то непостижимым образом вытягиваю эти остатки из камня. Беда в том, что у меня нет знаний, чтобы совладать с ними или как-нибудь использовать. Эстер подсказала бы, что делать. А я могу только их чувствовать.

Или не только?

В последний раз я пыталась призвать волшебство в западных водах, и тогда отчаяние и жажда мести помогли мне пробудить из спячки морских хищников. Сейчас моя жизнь снова в опасности, и, если я ничего не предприму, с горы мне

живой не спуститься.

– Вейтья!

Мои губы касаются камня, когда я выдыхаю древнее слово в ухо горы. Не знаю, вспомнит ли она этот, давно мертвый язык. Я-то почти ничего не помню из тех слов, которые почерпнула давным-давно из пыльных томов в темной библиотеке Шестого острова. Но это застряло у меня в памяти. Спаси. А поскольку этот архаический язык принадлежал волшебникам, я надеюсь, что мне повезет и он сработает.

Ничего не происходит. Дождь струится по моему лицу, облепляет волосами кожу и напоминает о том, что, если я не упаду с горы, то совершенно точно околею до смерти.

– Вейтья!

На сей раз я не просто шепчу, я произношу слово всеми фибрами моего естества, каждой клеточкой тела, приникшего к горе, стараясь, чтобы камень услышал призыв, исходящий из самого моего нутра.

И я слышу его ответ.

Жужжание делается громче, это уже рев, проходящий сквозь гранит, проникающий в пальцы и вибрирующий в костях. Мы с горой становимся одним целым. Она ждет моего приказа. Восторг от ощущения этой магической связи заставляет меня забыть об опасности, в которой я оказалась, – ну, почти, – и я осторожно глажу поверхность утеса ногой.

Сразу же подворачивается опора. Потом еще одна. Куда бы я ни потянулась рукой или ногой, скала как будто меняется, давая мне достаточно пространства, чтобы ухватиться, и снова меняясь по мере моего продвижения. Теперь я в состоянии двигаться быстро, соскальзывая так же легко, как дождевая капля по стеклу. Луна прикрыта тучами, так что под покровом темноты я в полной безопасности добираюсь до подножья ущелья. Я не даю себе ни секунды на удивление тем, что происходит, пока снова не становлюсь ногами на твердую почву, что сопровождается громким смехом облегчения и изумления. Я прислоняюсь к огромному каменному лицу, широко раскидываю руки и обнимаю

его.

– Спасибо тебе.

Я не знаю древних слов благодарности, но надеюсь на то, что хотя бы чувство будет понято.

Связь слабеет, волшебство тает, и я с болью ощущаю возвращающееся одиночество. Несколько коротких, напряженных мгновений я чувствовала себя странным образом полной, словно частицей чего-то невероятно могучего. Я поверить не могу в то, что это случилось. Скала сдвинулась. Ради меня. По моей просьбе.

Я уже испытывала сильное влечение к волшебству прежде, но никогда так, как сейчас, когда оно не было окрашено страхом и злобой. Я бегу по дну ущелья, благодарная прикрывающей меня тени, и думаю, не ошиблась ли я, повернувшись к волшебству спиной. Если учесть, что я спасаюсь бегством, лишенная титула и как никогда далекая от восстановления мира, решение сделаться Гадюкой уже не кажется однозначно верным.

Добравшись до леса к западу от горы, я позволяю себе перевести дух. За две недели в камере я определенно потеряла былую форму. Однако скоро лес заполнится рыскающими по моим следам стражниками, так что я бреду дальше, обходя деревья, сучковатые ветви которых как будто указывают мне путь к свободе.

Мне нужно добраться до порта, бежать с этого острова, а потом выработать какой-то план. Но сначала – самое важное. Необходимо найти, где согреться и высушить одежду, не то до всего остального я просто не доживу.

Топот лошадей, мчащихся в моем направлении, доносится до меня раньше, чем я успеваю найти укрытие. Меня ищет королевская гвардия. В лесу можно спрятаться только в одном месте, и потому я взбираюсь по белому стволу ближайшей снегорки как можно выше, чтобы исчезнуть среди густой медной листвы. Скорчившись на ветке с риском сверзиться в любую минуту, жду, надеясь на то, что мои преследователи пересекут лес быстро, и почти не дышу, чтобы лишний раз себя не выдать.

Впереди шуршат листья, и мое сердце останавливается. Прямо ко мне, прекрасно замаскированный и гораздо более привычный к подобному окружению, медленно карабкается древесный медведь, разглядывая меня влажными черными глазами. Он элегантно обхватывает ветки в ожидании добычи, его когти остры как бритва, и я пытаюсь не смотреть на них, понимая, с какой легкостью они могут порвать меня на куски.

Я никогда раньше не видела медведей, но Грейс рассказывала мне о живущих на деревьях созданиях, на которых так безжалостно охотились ради их бурого меха, что они почти полностью вымерли. Они красивы, но непредсказуемы и, если им грозит опасность, быстро свирепеют, – а мое присутствие на дереве он запросто может расценить как угрозу.

Я выдерживаю его взгляд. Ни за что не уступлю и не выкажу страха. Однако одновременно я уже прикидываю, как дотянуться до кинжала, если он бросится в атаку.

Нос зверя дергается, обнюхивает воздух, и я слышу запах, который он уже учуял. Они спустили собак. Я падаю духом. Шансы на удачный побег тают, но сейчас я навела гвардейцев на медведя и, вероятно, подвергла опасности и его жизнь.

Я по-прежнему не моргаю, глядя глубоко в душу притаившемуся передо мной зверю. Наверное, медведь видит мой страх, видит, как расширяются мои зрачки по мере того, как опасность приближается, потому что он вдруг расслабляется. Мы не враги. У нас общий враг. На нас обоих ведется охота.

Собаки уже близко. Они легко взяли мой след. Свора кидается к дереву, царапает его когтями и отчаянно лает. Гвардейцы окажутся здесь с минуты на минуту. Если это лишь горстка солдат, у меня еще есть шанс, правда, собаки серьезно усложнят задачу. И хотя у меня преимущество в высоте, они верхом. Не говоря уж о том, что им тепло и сытно, не то что этому обессиленному мешку с костями, которым я себя теперь ощущаю. Лучшее, что я могу предпринять, это дать им бой. И надеяться, что они не обнаружат медведя.

Отряд гвардейцев галопом подлетает к нам. Они хвалят собак и стараются высмотреть что-либо через листву. К счастью, им не удается меня заметить, но их не меньше дюжины, и в моем жалком состоянии это проблема. Я грустно

улыбаюсь древесному мишке. Если мне суждено умереть, я рада, что буду не одна, – и неважно, что моим единственным спутником был медведь.

Солдаты окликают меня, требуя, чтобы я показалась, а один даже стреляет вверх из арбалета, так что стрела чуть не задевает нас со зверем. Собачий лай усиливается, и что-то мелькает в глазах медведя – дикая ненависть, которая одновременно ужасает и возбуждает меня. Не успеваю я сообразить, что происходит, как он начинает действовать.

Медведь спускается по стволу, здоровенные когти впиваются в дерево и без труда удерживают его от падения. Он прихватывает ближайшую собаку, отрывает ее от земли и швыряет в соседнее дерево. Безвольная тушка падает на траву, остальные собаки скулят и пятятся, как и солдаты, которые съеживаются, когда медведь издает оглушительный вой.

Один из гвардейцев нервно смеется:

– Чертовы псы унюхали медведя. Двигаем, нам нужно искать ее дальше, не то король вздернет нас.

Собаки не хотят уходить, однако рычащий медведь убеждает их последовать за хозяевами, они вьются вокруг лошадей и устремляются в чащу.

Медведь забирается обратно, туда, где я все еще обнимаюсь с веткой, и лижет лапу.

– Спасибо тебе.

Я не сомневаюсь в том, что он только что спас мне жизнь.

Зверь поднимает ко мне морду и тычется в меня янтарным носом. Он советует мне не задерживаться. Продолжать бежать.

Я нежно дотрагиваюсь ладонью до его меха, пытаясь передать через прикосновение свою благодарность.

– Будь осторожен, – шепчу я ему, и он в ответ подхрюкивает.

Я совершенно уверена в том, что мы понимаем друг друга.

Двигаюсь быстро. Аккуратно спускаюсь по веткам и спрыгиваю на землю. Прислушавшись, нет ли погони, припускаю в противоположном от гвардейцев направлении. Я хочу поскорее найти воду. Это единственный способ сбить собак со следа, поэтому бегу так, как только позволяют уставшие ноги, поскальзываясь и спотыкаясь о камни и корни, в сторону речушки, которая, если я правильно помню, протекает параллельно лесу на юге. Мне туда вовсе не надо, поскольку так я только удаляюсь от побережья, но с этим сейчас придется повременить. Далеко идущие планы должны уступить сиюминутной необходимости выжить.

Когда я наконец влетаю в ледяную воду реки, сила течения чуть не сбивает меня с ног. Теперь остается лишь идти вперед по воде, и собаки перестанут быть проблемой. Поскольку я уже промокла под дождем, прогулка в потоке мало что меняет, но очевидно одно: мне нужно убежище, и чем скорее, тем лучше.

Только перед самым рассветом я замечаю жилье – первое с тех пор, как покинула замок. Выбравшись из стремнины, окоченевшая настолько, что не ощущаю конечностей, я плетусь в его сторону. Я не видела ни намека на гвардейцев с того самого момента, как сбежала из леса, и, хотя слышала вдалеке собачий лай, до сих пор мне удавалось обходить их стороной.

Никто в доме еще не пробудился к дневным трудам, так что я незамеченной крадусь через комнаты в поисках сухой одежды и еды. Одежда находится, а вместе с ней – сумка и кусок черствого хлеба. Остальное оставляю хозяевам. Не хочу, чтобы они из-за меня голодали. Направляюсь к ним в амбар, где снимаю грязную и мокрую сорочку и кое-как умываюсь в лошадином корыте. Я умышленно прихватила платье, надеясь сойти за неприметную крестьянку вместо Гадюки. Затем, вооружившись ножом, берусь за волосы. Я не могу обрезать их совсем коротко, чтобы не открыть родимое пятно на шее, однако можно укоротить мои обычные космы. Когда с ними покончено, мне не составляет труда надеть на голову простенький льняной чепец.

Это лучшее, что я могу придумать в качестве маскировки, а шерстяные чулки и сапожки – лучшая часть наряда, согревающая ноги и возвращающая мне тепло жизни.

Сжевав половину хлеба, я снова отправляюсь в путь, стараясь не останавливаться, поскольку понимаю, что король в ярости и тоже не остановится ни перед чем, чтобы лишить меня головы. Я бегу несколько часов кряду, держась подальше от дорог, пробираясь через канавы и меняя направление, чтобы запутать любого, кто идет по моим следам. Голова работает четко, я нацелена на то, чтобы выжить, однако в глубине сознания упорно роятся всевозможные мысли и вопросы в ожидании своего часа. Как только я окажусь в безопасности настолько, чтобы выпустить их на поверхность, мне придется обдумать все, что произошло, но сейчас на это просто нет времени.

Сперва мое внимание привлекает лошадь. Из укрытия в канаве, тянущейся вдоль длинной дороги, которая пересекает весь остров, я вижу, как животное беспокойно бьет копытом о землю. Голова странно задрана, глаза расширены, на губах – пена, и, когда я подхожу ближе, становится понятно, чем она так напугана. Повозка, которую она везла, лежит на боку и двигаться не собирается.

Я понимаю, что должна развернуться и бежать дальше, но как оставить бедное животное, для которого сбруя стала западней? Убедившись в том, что никого поблизости нет, я выбираюсь из канавы, и только тогда открывшееся зрелище заставляет меня пожалеть о своем поспешном поступке.

Это не обычная повозка, а дилижанс, перевозящий путников из одного конца острова в другой. На него напали и ограбили пассажиров, причем явно недавно. На земле валяются тела: невинные мужчины, женщины и дети, которые занимались своими делами, пока их жизни не оборвались внезапно и жестоко. На мгновение мне становится страшно, когда я понимаю, что злоумышленники где-то рядом, однако страх сменяется гневом. Бросив вызов мне, король практически дал добро бандитам на продолжение разбоя, потому что лишь я отваживалась оказывать им сопротивление. Под командованием своего короля флот утерял былую мощь, а королевская гвардия стала бесполезной. Заняв трон, Торин собирался это изменить, но теперь бандитам никто не противостоит, и понятно, что через какие-нибудь несколько недель все пойдет прахом. Я почти хочу, чтобы они вернулись на место преступления. Тогда я смогу напомнить, что по-прежнему жива и они не должны об этом забывать.

Испуганный конь стуком копыт требует моего внимания и не позволяет захлебнуться яростью. Приближаясь, я произношу слова, которые он не в состоянии понять, но которые, надеюсь, успокоят его. Возле него простерт второй конь. Кровь еще свежа на боку, в который угодила пуля.

Конь напрягается всем телом, когда я опускаю ладонь ему на холку.

– Все будет хорошо, – говорю я, проводя пальцами по сбруе и начиная ее отстегивать. – Я тебя освобожу.

Конь храпит, однако не сопротивляется, когда я тяну за пряжки, и в конце концов я вызволяю его из заточения. На мгновение он словно костенеет, отказываясь верить в то, что я сделала, но потом дает деру, устремляясь по дороге как можно дальше от этой бойни.

Я собираюсь последовать его примеру, но тут чувствую это. Покалывание волшебства, которое ни с чем не спутать, горячее, как сыпь на коже. Я оглядываюсь, пробегаю взглядом по трупам и ищу источник ощущения. Наконец я замечаю ее.

Женщина лежит чуть дальше от повозки, чем остальные. Возможно, она пыталась спастись бегством, когда ее сбили. Тело переломано.

Однако она еще жива.

Вокруг нее я ощущаю энергетические нити. Они колеблются и мерцают, гудение жизни покидает ее навсегда, и я бросаюсь выяснять, могу ли я хоть чем-нибудь помочь.

Она в полном беспамятстве, кончина неминуема, и я инстинктивно протягиваю руки к оставляющей ее жизненной силе. Но тут меня охватывает сомнение. Один маленький мальчик, которого я горячо любила, как-то предупредил меня, чтобы я не пыталась вернуть жизнь волчице. Возможно, Томас был прав. Возможно, и в волшебстве существует черта, которую не следует пересекать, – на Четвертом острове я успела усвоить немало других нелегких уроков. Но то было животное. А сейчас передо мной человек, пока что не совсем мертвый, находящийся на грани. В человеке я никогда еще не ощущала этого так сильно. Никогда. Как будто разговор с горой вновь пробудил во мне волшебство. И я не уверена, что не хочу прислушаться к его заманчивому зову. Хотя, наверное, мне надо отказаться от него именно потому, что он так заманчив.

Мои размышления прерывает тоненькое мяуканье. Я подсаживаюсь поближе и обшариваю юбки женщины в поисках источника – возле нее лежит кулек с ребенком, маленьким и беспомощным.

Какой у меня выбор? Оставить обоих умирать? Забрать ребенка и вырастить, подобно Адлеру, как собственного? Только этой обузы мне сейчас и не хватало. Но я никогда не бросала страждущих, как бы Адлер ни старался вытравить из моего характера эту черту.

А потому я снова тянусь к энергии вокруг тела женщины, теперь понимая, откуда в ней такая сила: она не хочет умирать, цепляется за жизнь ради своего ребенка. Она сражается так, как некогда сражалась моя мать, пытаясь остаться со мной. У моей матери не получилось – никто ей не помог. Но я не позволю этому повториться.

Понятия не имею, что делаю. Больше всего нити энергии похожи на сеть, которую необходимо распутать, а я не раз проводила за этим занятием много часов, методично разбирая веревки, чтобы вернуть их в правильное положение.

Я словно впадаю в транс, едва осознавая, где нахожусь, фокусируясь исключительно на восстановлении того, что невосстановимо, и позволяя тому, что можно назвать волшебным инстинктом, направлять мои действия. Кровь становится горячей, волшебство бежит по моим венам, пульсирует в сердце, поначалу медленно, потом все быстрее, жар почти сжигает меня изнутри.

Но я не успеваю закончить, из волшебного транса меня вырывает крик. Это кричит женщина.

5

Сначала я думаю, что убила ее, но слишком уж громко она кричит. Потом меня охватывает страх при мысли о том, что я натворила нечто похуже, каким-то ужасным образом изменила ее, неправильно сплетя волшебство, которое не понимаю. Я не сразу соображаю, что она просто пришла в сознание и заново переживает все, что с ней произошло.

– Все хорошо, – уверяю я, пытаясь ее успокоить. – Вы в безопасности.

Я стараюсь не думать о том, что вернула ее с того света исключительно с помощью волшебства. Сила бушует в моих костях, я стараюсь ее не замечать, чтобы отдать все свое внимание лежащей передо мной напуганной женщине, но это трудно. После месяцев бегства от волшебства последние несколько часов магическая сила лишком настойчиво напоминает мне о своем существовании.

– Мой ребенок! – стонет женщина, хватая меня за руки. – Мой ребенок?

– Он тут.

Я говорю успокаивающим тоном, как будто общаюсь с диким зверем, поскольку, если честно, она страшит меня.

При виде младенца женщина с облегчением всхлипывает и прижимает его к себе. Потом по лицу ее пробегает волна удивления, и она с испугом смотрит на меня.

– Что случилось?

– На вашу повозку напали, – объясняю я и протягиваю руку, чтобы придать ей мужества, но она отдергивается. – Я обнаружила вас тут. Вы были без сознания.

Женщина хмурится, ей страшно.

– Вы пытались спастись? – Я хочу вытянуть из нее хоть какие-нибудь сведения.

– Я не… не помню. – Она в панике.

– Все хорошо. У вас просто шок.

Она смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

– Я вас знаю?

– Нет, – отвечаю я. – Я просто нашла вас. – Ее поведение беспокоит меня. – Как вас зовут?

Она открывает рот, но снова закрывает и сдвигает брови:

– Не знаю.

У меня внутри все сжимается.

– А ваш ребенок? Как его зовут?

Женщина опускает взгляд на ребенка, который уже спит у нее на руках.

– Я… я понятия не имею. – С дикими глазами она хватает меня за руку. – Что со мной? Почему я ничего не помню?

Меня охватывает жуткое чувство, потому что я точно знаю, что с ней, но не скажу.

– Не беспокойтесь, – повторяю я, уклоняясь от вопроса. – Я уверена, память к вам вернется.

У меня начинается тайная паника. Это катастрофа. Вместо того чтобы незаметно удирать с острова, я поддалась соблазну, самонадеянно встряла в нечто могущественное, чего не понимаю, и заварила настоящую кашу. Я не могу бросить эту несчастную тут, будучи причиной провала в ее памяти.

– Полагаю, вы не знаете, куда направляетесь? – интересуюсь я, предвидя ответ.

Она отвечает всхлипыванием.

– Хорошо. – У меня нет времени, на меня охотятся гвардейцы. – Давайте заглянем в ваши вещи. Возможно, они нам как-нибудь помогут.

Женщина с облегчением кивает. Однако ее сумка пуста, бандиты забрали все, что могло представлять хоть малейшую ценность, и остальное тоже. Мы

выворачиваем ее карманы и не обнаруживаем ничего, что могло бы дать нам подсказку. Но под юбками у нее что-то шуршит, что-то зашитое в ткань. Кинжал без труда вспарывает карман, и обнаруживается письмо. Оно потерто и зачитано до дыр, чернила в некоторых местах расплылись, вероятно, от слез. Это любовное послание. Большая часть его содержимого бесполезна и уж точно не касается меня, однако автор упоминает корабль «Черная ночь». Я о таком никогда не слышала, но лиха беда начало. Заглядываю в конец письма, надеясь на еще одну подсказку в виде подписи, однако там лишь стоит «Р».

– Вы не помните, что означает эта буква? – спрашиваю я, хотя попрежнему знаю ответ.

Письмо понятно женщине не больше моего.

– Ладно, – говорю я, поразмыслив. – В нескольких милях отсюда к юго-западу находится порт. Думаю, нам стоит туда отправиться и выяснить, не слышал ли кто про такой корабль. Тогда мы, вероятно, отыщем кого-нибудь, кому вы знакомы.

Глаза женщины становятся еще больше, хотя казалось, что это невозможно.

– Вы пойдете со мной?

– Разумеется. Не могу же я вас бросить в таком состоянии.

К моему удивлению, женщина заключает меня в объятия:

– Спасибо! Вы моя спасительница.

Я не отвечаю и только надеюсь, что у меня не слишком пылают щеки. Никакая я не спасительница.

Подбирая ее пожитки, предлагаю взять на руки ребенка, но она не хочет расстаться с ним даже на мгновение. Тогда я беру женщину под руку и поддерживаю, потому что тело ее изувечено, в кровоподтеках, и ходьба дается ей непросто.

До сих пор она была спиной к сцене побоища, теперь при виде трупов тех, кому повезло меньше, она плачет. Я увожу ее прочь, обходя лужи и следы крови на земле.

По пути мы разговариваем мало, и я рада тишине. Переживаемое мною чувство вины невыносимо.

То, чего я достигла, чтобы спуститься с горы, сделало меня излишне самоуверенной. Я переоценила свои возможности, попыталась творить волшебство, которое не в состоянии контролировать, и навредила этой бедной женщине. Я догадываюсь: сила ее любви к ребенку была так велика, что, стоило мне вернуть ей малую толику жизни, как она освободилась от моих чар и вернулась в свое тело раньше, чем я закончила колдовать. И дело не в том, сумела бы я довести дело до конца без ошибок. Мне следовало послушаться Тома – он был всегда мудрее меня.

Теперь же моя самонадеянность опустошила ее разум, и я понятия не имею, вернется ли к ней память.

Пытаюсь подавить в себе голосок, нашептывающий, что даже без знаний я смогла вернуть человека с того света, мол, посмотри, какая власть у тебя в руках. Стараюсь не обращать внимания на то, что теперь, когда волшебство стихло, мое тело кажется мне странно пустым, и больше всего на свете хочется снова ощутить его жар.

Мы добираемся до порта под вечер, и я сразу же принимаюсь высматривать стражников. Удачно, что я появилась тут вместе с другой женщиной, – я не напоминаю им беглянку, и те немногие гвардейцы, которые охраняют вход в город, удостаивают нас лишь беглым взглядом.

Однако мне по-прежнему совсем не хочется привлекать излишнее внимание, и потому я поспешно веду женщину в сам порт. Скорейший способ получить сведения – спросить кого-нибудь, но тогда меня могут узнать. Присматриваюсь к пожилой торговке рыбой. Она скорее остальных пожалеет мою раненую подругу и едва ли вспомнит мое лицо.

– Простите, – говорю я с такой теплотой, на какую только способна. – Вы не поможете нам?

Она сразу же недоверчиво прищуривается:

– Это будет от многого зависеть.

Я сохраняю на лице широкую улыбку:

– Вы не слышали про корабль под названием «Черная ночь»?

Выражение ее лица меняется, однако ничего дружеского в нем как не было, так и нет.

– А кто это хочет знать?

Меняю тактику, убираю улыбку и понижаю голос:

– На мою подругу по пути сюда напали. Она не помнит, кто она. При ней мы нашли только вот это.

Протягиваю потертый клочок бумаги, старуха размышляет над моими словами.

– А ты тут с какого бока?

– Нашла ее на дороге. Просто пытаюсь помочь.

Старуха устремляет на меня неподвижный взгляд:

– Зачем?

Я поднимаю брови:

– Ну не могла же я бросить ее на произвол судьбы?

– И тебе не нужно денег?

Я качаю головой.

– Вот и хорошо. Потому что ты ничего не получишь. Это корабль Рауля. Он скорее с тебя шкуру спустит, чем заплатит.

– Рауль?

Так вот откуда таинственное «Р»!

– Ты найдешь его в таверне. И лучше тебе быть с ним честной, как сейчас, не то он тебе голову оторвет.

Ну отлично. Хотя предупреждение меня не пугает, меньше всего мне сейчас нужны очередные проблемы.

Я благодарю старуху за уделенное нам время и веду женщину с ребенком в сторону постоялого двора.

Перед тем как войти, я сжимаю ее руку:

– Вам что-нибудь говорит имя Рауль?

Она качает головой. Она похожа на кролика, попавшего в капкан.

Вообще-то мне лучше бы в таверне не появляться. Там наверняка куча бандитов и моряков. Надеюсь, что выгляжу настолько непохожей на Гадюку, насколько мне того хотелось бы.

Наше появление никто не замечает, и я чувствую, как мои плечи расслабляются. Оглядывая помещение, быстро определяю наиболее вероятных членов экипажа «Черной ночи». Отсев подальше от остальных, они будто забились в свой угол, и, хотя оттуда раздается смех и стук кружек, все явно начеку. Один из моряков выделяется: по тому, как он сидит, и по тому, как остальные сидят вокруг него, я заключаю, что это важная птица, которую побаиваются. Кожа его такая же черная, как одежда, густые волосы спадают на спину канатами, а огонь в глазах горит так яростно, что видно издалека. Рауль.

– Побудьте тут, – прошу я женщину, беспокойно топчущуюся у двери. – Если что-нибудь произойдет, бегите.

Похоже, говорить этого не стоило, поскольку она готова бежать прямо сейчас, но я ободряюще касаюсь ее руки и направляюсь к столу, за которым пьют эти люди.

При моем приближении некоторые из них встают, придерживая рукоятки мечей. Рауль знаком велит им сесть, не считая меня угрозой.

– Господа, ну кто же так приветствует даму, – говорит он, посылая мне улыбку, лишенную малейшей теплоты. – Что я могу для вас сделать?

– Вы Рауль?

– Сдается мне, что, раз вы спрашиваете, то уже знаете ответ.

– Вот это для вас что-нибудь значит? – Я протягиваю письмо и наблюдаю за тем, как меняется его лицо. На мгновение сквозь маску проглядывает настоящее чувство.

Через мгновение он уже на ногах, а его нож – у моего горла.

– Откуда ты это взяла?

– Давайте успокоимся, хорошо? – прижимаю я собственное лезвие к его животу просто для того, чтобы он не видел во мне легкую добычу.

Он отпускает меня, и мы оба поднимаем руки, показывая готовность продолжать разговор.

– Скажи, где ты это нашла?

– Это принадлежит моей подруге. – Я делаю жест в сторону двери. – Вы ее знаете?

Лицо Рауля озаряется, и я замечаю знакомое выражение. Любовь. Он идет к ней.

– Лайла!

Однако женщина, которую, очевидно, зовут Лайла, только пятится и сильнее прижимает к себе ребенка. Рауль замирает и вопросительно поворачивается ко мне.

– С ней произошла неприятность, – объясняю я и делаю Лайле знак, чтобы она присоединилась к нам.

Она соглашается с некоторой неохотой. Когда мы уже сидим, окруженные людьми Рауля, я продолжаю свой рассказ.

– И ты ничего не помнишь? Не помнишь меня? – Рауль уязвлен, потому что Лайла качает головой.

– Я даже не знаю имени ребенка. – Голос ее дрожит.

– Бэй, – говорит Рауль. – Нашего ребенка зовут Бэй.

Да уж, приятного мало.

Рауль поворачивается ко мне:

– Она должна была встретиться со мной сегодня утром. Мы ждали ее.

– Она ваша жена?

– Пока нет. Она убежала из семьи. Они против меня.

– Мне очень жаль.

– Откуда мне знать, что ты ни при чем?

Рауль явно хочет найти козла отпущения, чтобы расквитаться за Лайлу, и, хотя без меня она сейчас была бы мертва, в том, что с ней произошло, есть и моя вина.

– Она спасла меня, – говорит Лайла тихо, но твердо. – Без нее меня бы здесь не было. И кроме нее я никого не знаю.

Взгляд, которым Рауль смотрит на Лайлу, рвет мне сердце. Я бы тоже была убита, если бы Бронн так смотрел на меня – будто понятия не имеет, кто я, будто все, что нас связывало, исчезло.

Мысль о Бронне приходится не к месту. Мне сейчас совсем не хочется на него отвлекаться. Удалось ли ему узнать что-то про незнакомца со свадьбы? Знает ли он, что я жива? Ищет ли меня? Или его так же соблазнила роль Гадюки, как меня – волшебство?

Один из людей Рауля рассматривал меня слишком внимательно, и теперь он наклоняется к нему и шепчет что-то на ухо.

Его взгляд резко устремляется на меня, глаза прищуриваются. Он собирается меня о чем-то спросить, когда дверь таверны снова распахивается, и на сей раз заходит полдюжины королевских гвардейцев. Я опускаю голову, и Рауль улыбается.

– Значит, это правда? Ты и есть та принцесса-изменница?

Я пожимаю плечами:

– Что-то вроде того.

– Ищешь способ удрать с острова?

– Если честно, то, не будь Лайлы, меня бы уже и след простыл.

Рауль стискивает зубы:

– Так ты из-за нее рискуешь?

– Послушайте, я знаю, что мне никто не верит, но Гадюкой я стала не просто так. Я хотела помогать людям. И хотя этот план у меня чудесным образом не задался, я не могла бросить Лайлу и ребенка умирать.

Гвардейцы приближаются, осматривая каждый стол, и мое желание дать деру усиливается.

– Ничего не говори.

Рауль уже принял решение относительно меня, потому что поворачивает свой стул так, чтобы более или менее заслонить меня. Я наклоняю голову, прячась от рыскающих по сторонам взглядов.

– Добрый вечер, – как старых друзей, приветствует Рауль гвардейцев. – Чем обязаны?

– Да ищем кое-кого, – отвечает самый высокий и подсовывает Раулю лист бумаги с похожей на мою физиономией. – Видел ее в этих местах?

Рауль делает выдох и изображает раздумья.

– Не скажу, что видел. – Он поворачивается к своим людям. – Кто-нибудь видел такую?

Команда следует его примеру и качает головами.

– Уверены? – Гвардеец настойчив. – За ее голову полагается вознаграждение.

Рауль вздергивает подбородок:

– Сколько?

Я, затаив дыхание, прикидываю, за какую сумму он меня продаст, и украдкой оглядываюсь в поисках путей к бегству, если до этого дойдет.

– Достаточно хрусталя, чтобы такой, как ты, был счастлив, – отвечает гвардеец.

Глаза Рауля сужаются, он больше не разыгрывает дружелюбия. Вероятно, ему не нравится, когда какой-то гвардеец ставит его на место.

– Боюсь, ничем не могу вам помочь.

– Мы будем тут несколько дней, – говорит гвардеец, понимая, что дело проигрышное. – Отыщи нас, если что-нибудь заметишь.

Рауль кивает, но, когда они отходят, сплевывает на пол и поворачивается к своим людям.

– Думаю, нам пора отсюда, как считаете?

Когда все встают, Лайла пугается.

– Я не понимаю.

– Я отвезу тебя домой, – говорит Рауль, и она оглядывается на меня. – Она может поехать с нами, – добавляет он, затем поворачивается ко мне: – Если хочешь.

Я обдумываю предложение.

– Куда вы направляетесь?

– Это важно? Отсюда.

Он прав, однако я не собираюсь слепо следовать за этими людьми.

– Это важно.

– Ладно, – озорно ухмыляется он. – На Третьем острове была когда-нибудь?

«Черная ночь» – потрясающий корабль. Сколоченный полностью из того же дерева сердценочи, что и фигура на носу «Девы», он – истинный сын Черного острова.

Хотя это относительно небольшое торговое судно, двухмачтовый бриг, наше плавание проходит быстро и гладко, и я не могу понять, почему до сих пор его не встречала.

Когда я спрашиваю Рауля, какие воды он предпочитает, тот лишь лукаво ухмыляется. Будто понимает, что в действительности стоит за моим вопросом.

– Она особенная, правда? – Он явно горд своим кораблем. – Сам ее строил. С помощью своих братьев.

Я под впечатлением, но не удивлена. Быстро прихожу к выводу, что Рауль – человек-тайна.

Мы незамеченными пробрались из таверны в порт, и, едва успели взойти на борт «Ночи», так здорово замаскированной, что ее было почти не видно на фоне черной воды, как уже отчалили. Нас с Лайлой отвели в трюм, который служил временным жильем, но при этом недоверчивый Рауль расположил своих людей по другую сторону запасного паруса, отгораживающего нашу половину.

– Они проводят вас на корабле, куда потребуется, – сказал он, однако мы оба понимали, что это средство предосторожности. Ведь вообще-то я была беглянкой, обвинявшейся в попытке убийства и измене.

Несмотря на то, что расстояние между мной и королем увеличивается, тревога, сдавившая мне грудь, не отпускает.

Мне по-прежнему тошно от страха за Торина. И от сознания вины, что я оставляю его на милость жадного до власти родителя. Может быть, не следовало покидать замок, не попытавшись помочь ему? Не было ли мое бегство проявлением эгоизма?

Однако возвращаться уже поздно, а потому я лишь надеюсь, что королевский целитель достаточно опытен, чтобы не дать Торину умереть, а король

достаточно умен, чтобы ему не мешать.

Другая моя проблема остается неизменной. Восточные острова нисколько не ближе к миру, чем раньше, причем король представляет собой гораздо большую угрозу, чем мы с Торином предполагали. Во время суда я поняла одну очень важную вещь: на всех шести Островах у него есть сильные союзники. Без Торина флот снова подчиняется королю, а я вообще не командую ничем. Война никогда еще не казалась мне такой огромной, а моя армия – такой крохотной.

Мне понадобится помощь.

Если я тешила себя надеждой, что помощь может прийти со стороны Рауля и его людей, мысль эта испаряется, когда он приглашает меня отужинать в его каюте. Я ожидаю увидеть там и Лайлу, но, если не считать его охранника, расположившегося у двери, мы одни.

Когда я интересуюсь, зачем подобное уединение, он протягивает мне кружку рома.

– Мне кажется, нам нужно поболтать, и я не хочу, чтобы кто-то этому помешал.

Я делаю большой глоток золотистой жидкости и киваю.

– Понятно. Так что же я могу для вас сделать?

– Вылечить мою Лайлу.

Внезапно меня охватывает усталость. Растирая лицо, будто таким образом можно снять с себя ответственность, я спрашиваю:

– А с чего вы взяли, будто я это могу?

Рауль поднимается на ноги и начинает расхаживать по комнате.

– Думаешь, я ничего не знаю? Думаешь, не в курсе слухов о том, что ты уже однажды сделала?

Я не до конца понимаю, что он имеет в виду, поэтому не отвечаю.

– Это правда, что ты призвала морских хищников? Что в твоих венах течет волшебство?

Какой негодяй ему донес? На моем корабле никто бы меня не предал. К сожалению, этого нельзя сказать о моем лице, которое отвечает на вопрос Рауля лучше любых слов.

– Значит, это правда.

– Это было гораздо труднее, чем кажется.

– Но в тебе же есть волшебство? Как у Волшебников?

Я слышу в его голосе отчаяние. Ему так хочется, чтобы это оказалось правдой, ради женщины, которую он любит! И поэтому я даю ему самый честный ответ, насколько это возможно:

– Да, но я им почти не управляю, и у меня нет навыков, чтобы сделать то, о чем вы меня просите.

– А может, все дело в стимуле?

Он делает шаг ко мне, вскидывает пистолет и направляет дуло мне в лоб. Одновременно с этим его помощник подходит ко мне сзади, и я чувствую его пистолет спиной.

– Ты вылечишь ее, – заявляет Рауль, и его тон не оставляет сомнений в том, что, если я откажусь, он грохнет меня, не задумываясь.

– Я сказала, что не могу. – Мой голос звучит так же убедительно. – Угрозами этого не изменить.

Он нажимает на курок сильнее.

– Я все слухи о тебе знаю. Ты говоришь, что хочешь помочь, но ты такая же, как твой отец, которого ты убила. Или сделала вид, что убила, в зависимости от того, кому верить. Гадюки все одинаковые – жестокие, злые и себялюбивые. Я даю тебе возможность оправдаться.

Неужели так никто обо мне и слова доброго не скажет?

С меня достаточно. Молниеносным движением я бью Рауля по руке и выхватываю пистолет. Развернувшись, я прижимаю его к горлу второго противника, одновременно хватая его за кисть и притягивая ее к своему бедру так, что теперь его пистолет нацелен на Рауля. Не успели они моргнуть, как я их разоружила.

– Не стоит верить всему, что слышишь, – говорю я Раулю, наслаждаясь написанным на его лице потрясением, и одновременно жестами велю второму пленнику передвинуться так, чтобы оба стояли передо мной.

– А кое-чему стоит уделять больше внимания, – отвечает он, поднимая руки и сдаваясь.

Я осторожно опускаю пистолеты.

– Ступай, – обращается Рауль к своему охраннику, и тот только рад улизнуть из комнаты.

Я не спешу возвращать Раулю его оружие.

– Я вам уже сказала. Я не могу помочь Лайле. К большому моему сожалению. Я поговорю с ней, но, как только мы доберемся до Третьего острова, я вас покину.

– О, ты не попадешь на Третий остров.

Я хмурюсь.

– Не попаду?

Рауль пристально меня разглядывает.

– Что ты о моем острове знаешь?

– Очень мало, – признаюсь я. – На нем прекрасные леса, а люди склонны к отшельничеству… за исключением присутствующих.

– Ты там когда-нибудь бывала? – задает он вопрос, явно с подтекстом.

– Однажды.

– И как он тебе показался?

Я представляю себе Адлера, стоящего над человеком в капюшоне и требующего, чтобы я убила его и таким образом завершила Посвящение. Помню свой страх. Помню свое решение. Я не стану убийцей ни для него, ни для кого бы то ни было. Тот день изменил мою жизнь навсегда.

Я встречаюсь с выжидательным взглядом Рауля.

– Он выглядел покинутым. Я не заметила никаких обитателей. Вы первый человек с Третьего острова, кого я встречаю.

Не знаю, какого ответа ожидал Рауль, но сейчас он выглядит удовлетворенным, потому что глаза его светлеют.

– Хорошо, принцесса Гадюка.

– Можно просто Марианна.

Он поднимает бровь, но кивает:

– Марианна. Похоже, я на твой счет ошибался. А потому поведаю тебе кое-что о моих соплеменниках, чего они не стали бы тебе открывать. Что ты знаешь о Провидцах?

Я видела редкие упоминания о них в старых книгах в библиотеке Торина на Шестом, но вообще-то меня гораздо больше интересовала волшебная сторона

вещей.

– Немного.

Рауль садится за стол и указывает на стул напротив. После короткого раздумья я соглашаюсь – как бы то ни было, у меня в руках по-прежнему два пистолета, а у него ни одного.

– Роль, которую играли Провидцы в нашей истории, забыта всюду, кроме Третьего острова. – Прежде чем продолжить, Рауль тянется за кружкой и делает глоток рома. Возможно, ему труднее делиться секретом своего народа, чем он думал. – Потому что Провидцы не хотят, чтобы кто-нибудь ее помнил. Видишь ли, все Провидцы родом с Третьего острова. Раньше, давным-давно, они делились знанием, которое провидели, с волшебниками. Те в своей великой мудрости советовали королям, как избежать катастрофы, но редко упоминали о роли, которую играли в этом Провидцы. Поэтому, узнав о грядущей войне, которая либо объединит Острова навсегда, либо приведет ко всеобщему разрушению, Провидцы решили, что с них довольно. Они хотели защитить лишь свой народ и сохранить деревья, потому покинули общество, предоставив другие пять островов собственной участи.

– Так вот почему никто больше не видит третьих островитян? – Мне все равно, что мой гнев выплескивается наружу. – Из-за войны, которую они предвидели? Той, которую я сейчас проигрываю? – А он еще смеет называть Гадюк эгоистами. – Кто вы, Рауль? Если ваши соплеменники прячутся, почему не прячетесь вы?

Некоторое время он молчит, но потом как будто решается. Сунув руку в карман, вынимает мешочек, открывает его и высыпает на стол между нами камушки. Они маленькие и совершенно круглые, поверхность их покрыта гравировкой, линиями и узорами, которые для меня ничего не значат, но, тем не менее, очаровывают.

Рауль берет камушки в руки.

– Это руны. Отец учил меня их вырезать, а мать – читать. Вот уже много лет они указывают мне мое собственное будущее.

Я выжидательно смотрю на него.

– Жить, – просто говорит он. – Я не согласен с решением моего народа прятаться в уединении. Вот почему ты оказалась на моем корабле. Я не хотел нанимать курьеров для перевозок своего ценного груза. Я никому не доверял. И потому ослушался отца и построил «Ночь».

История интересная, однако я научилась слышать ложь, завернутую в правду.

– Так вы курьер? – Я не скрываю насмешки. – Обычный торговец, поставляющий товары? – Я фыркаю. – Вы контрабандист, не так ли? Давайте догадаюсь. На Третьем острове не только красивые деревья растут.

Его глаза снова улыбаются.

– Ты видела черные цветы, которые покрывают леса. Скажем так: они обладают приятным эффектом, когда их подсушишь и подожжешь.

Я поднимаю бровь:

– Полагаю, налог на такие вещи высок – или я неправа?

Рауль пожимает плечами:

– Подобная роскошь должна принадлежать не только богатым.

– А вы герой.

Он не реагирует на мой сарказм.

– Не думаю, что Гадюка уполномочена судить мои моральные принципы. – Он вздыхает, убирая камушки обратно в мешочек. – Недавно они мне сказали кое-что новое. Не просто жить, но и сражаться.

– Хотите ко мне присоединиться?

Он смеется.

– Нисколечко. Нет, я готов сражаться – насмерть – только за одну вещь. За мою семью. Чтобы ее защитить и сохранить.

Теперь все постепенно начинает обретать смысл.

– И единственная проблема в том, что Лайла вас не помнит.

– Именно. Вот почему я попросил тебя ей помочь.

Теперь моя очередь смеяться.

– Если так выглядит ваша просьба, не хотела бы я увидеть ваше требование.

Рауль только плечами пожимает:

– Не знаю, что тебя не устраивает. Пистолеты ведь у тебя.

– Я говорила вам правду. Я не знаю, как помочь Лайле. Пока.

Рауль резко поднимает на меня глаза.

– Но ты хочешь научиться. Ты об этом?

Я киваю. У меня в голове после отплытия с Первого острова начал вырисовываться план. Способ победить в этой войне. Способ спасти Торина. Он непродуман, опасен и едва ли сработает, но это мой единственный план. Я предполагаю, что на Восточных островах остался один человек, который может мне помочь. Если она еще жива. А я чувствую, что жива.

– Не могу вам ничего обещать. Но если смогу, когда смогу, я вернусь домой и сделаю для Лайлы все, что будет в моих силах.

Он наклоняет голову и прижимает ладонь к сердцу.

– Ты совсем не такая, какой представлялась мне по слухам. Кроме одного.

Сомневаюсь, что мне хочется знать подробности.

– И что бы это значило?

– Ты умеешь драться.

Я с улыбкой пускаю пистолеты по столу в его сторону.

– Об этом вам лучше не забывать.

После этого Рауль позволяет мне оказывать помощь на корабле. Всякий раз, когда мы с Лайлой оказываемся наедине, я пытаюсь докопаться до ее воспоминаний, где бы она их ни зарыла, однако безуспешно.

Какими бы тщетными ни были мои попытки, я не могу не заметить, что, пока Лайла проводит время с Раулем, между ними начинает возникать определенная близость. Хотя она его не помнит, хотя она напугана и находится вдали от дома, Лайла снова тянется к Раулю. Что бы ни соединило их в первый раз, это повторяется. Любовь – волшебство гораздо более сильное, чем то, которым я мечтаю овладеть.

Я наблюдаю за ними и тоскую по Бронну. Каждый день я жду малейших признаков появления «Девы», однако здешние воды совершенно пустынны. В лучшем случае нам попадается какое-нибудь рыбацкое суденышко, какой уж там торговый корабль. Уходить далеко от дома всем мешает страх.

На пятый день, когда на горизонте появляется черный силуэт Третьего острова, Рауль подходит ко мне, когда я смолю палубу.

– Пора нам прощаться, – говорит он, обнимая меня за плечо.

Оперевшись на швабру, поднимаю на него глаза.

– Вы что, собираетесь бросить меня за борт?

– Посмотрим. Ты умеешь плавать?

Я смеюсь и отрицательно мотаю головой:

– Я буду по вам скучать, Рауль.

– Почему-то я в этом сомневаюсь. – Он делает паузу. – Могу я кое-что прочитать тебе перед твоим отъездом?

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду руны. Перспектива услышать о своем будущем слегка тревожит меня, и Рауль это замечает.

– Судьба не предначертана, – говорит он. – Камни не управляют тобой. Однако некоторая ориентация не помешает.

Я не в том положении, чтобы артачиться, и потому соглашаюсь. Мы усаживаемся на палубе, и Рауль снова достает свои камешки. Рассыпав их передо мной, он хмурится.

– Что? – Я падаю духом. – Все так плохо?

Он не отвечает, собирает их, бросает снова. И хмурится еще сильнее.

– Что там? Я умру? – Я шучу лишь отчасти.

Однако ему не до смеха. Я вижу в его глазах сомнение. И испуг.

– Существует одно древнее пророчество, которое мы на Третьем острове знаем с детства. «Надвигается буря. Дикая ярость, которая поглотит ночь и день, землю и море, пока не останется одна скорбь. Бойтесь ее, сражайтесь с ней, уничтожьте ее». Но никто не знает, о ком или о чем здесь идет речь.

Меня охватывает дрожь.

– Что говорят руны, Рауль?

– Бойся ее, сражайся с ней, уничтожь ее.

Наши взгляды встречаются, и мною завладевает ощущение роковой неизбежности.

– Что это значит?

Рауль качает головой.

– Не знаю. – Молчит, потом продолжает: – Это ты та буря, Марианна?

Впервые за время нашего знакомства он по-настоящему напуган.

– Рауль!

Крик опережает мой ответ, и мы оба оглядываемся на его первого помощника, указывающего на что-то в море.

– Что там?

Рауль бежит посмотреть и оборачивается ко мне:

– Королевский флот. Тебе пора.

Он хватает меня за руку и ведет на корму «Ночи».

– Я положил в твою лодку провиант, но боюсь, что недостаточно.

Я примеряюсь к крошечной рыбацкой плоскодонке.

– Да мне ни за что в такой посудине не обогнать флот!

Рауль снимает с шеи шнурок с круглой черной подвеской, сделанной из дерева. Она украшена замысловатой резьбой, изображающей лес, – я успеваю заметить это краем глаза, пока Рауль надевает мне шнурок через голову.

– Это талисман, который я сам изготовил. Он укроет тебя от взглядов врагов.

Должно быть, я выгляжу потрясенной, потому что он посмеивается.

– А как, ты думаешь, я столько времени оставался незамеченным?

– Я не могу его принять. Это слишком.

– Бери. Живи. И возвращайся к нам, когда найдешь способ помочь Лайле.

Лайла.

– Я не попрощалась!

Рауль подталкивает меня.

– Нет времени. Если, конечно, ты не рвешься воссоединиться со свекром.

Перспектива не из приятных, так что я забираюсь в лодку, отвязываю трос и перекидываю ему обратно.

Уже сев в лодку и взявшись за весла, я кричу:

– Почему вы помогаете мне?

Рауль посылает мне ослепительную улыбку:

– Потому что ты та девушка, которая не выстрелила.

Я разеваю от изумления рот, и Рауль принимается хохотать.

Я слышу его еще долго после того, как корабль исчезает из вида.

7

Последний раз, когда я гребла с Третьего острова на Четвертый, мне пришлось реквизировать парусник, чтобы добраться туда живой.

Но сейчас я уже не та, какой была тогда. И у меня нет выбора – плыть больше не на чем. Мне придется несладко.

Плоскодонка не предназначена для открытого моря, да и компаса у меня нет, так что я готовлюсь к утомительному путешествию. Благодаря скудной провизии, которой сумел снабдить меня Рауль, я хоть не умру с голоду, а солнце не такое жаркое, как в прошлый раз, когда я следовала этим маршрутом, так что шансов выжить у меня больше.

Дни заполняются бесконечным ритмом движений – тяни, отпускай, взад, вперед. Сон – роскошь, которой я не могу себе позволить, иначе меня снесет волной, поэтому разрешаю себе разве что ненадолго закрывать глаза днем, максимально используя ночные звезды для определения маршрута. Ладони, стертые о грубые весла, кровоточат, мышцы рук и спины молят об отдыхе, но я заставляю себя об этом не думать. Пренебрежение болью – вот единственный способ добраться до Четвертого острова, и потому я сосредотачиваюсь на том, что ждет меня впереди, и стараюсь не вспоминать о том, что осталось позади.

Жаль, что я так мало времени провела с Раулем, так мало узнала о его соплеменниках, но я рада, что пришлось прервать чтение рун. Не хочу думать о том, почему слова древнего и мрачного пророчества должны относиться ко мне. Гораздо интереснее понять, каким образом Рауль узнал, что я не убила того человека на Посвящении. Возможно, новости об испытании разошлись достаточно быстро, чтобы достичь его ушей, но мне почему-то кажется, что он узнал об этом иным способом. Когда-нибудь я его спрошу, если доживу. В каком-то смысле мне даже на руку то, что наши пути разошлись. Хотя я всегда была не прочь снова наведаться на Третий остров, Четвертый оставался желанным пунктом назначения.

Однажды я встретила женщину, которая увидела истинную меня, которая знала то, что ей не положено было знать. Вполне вероятно, что ярость Адлера убила

ее, однако, подозреваю, что Старая Грязька переживет и конец света. Вопрос, скорее, в том, как ее отыскать.

На пятый день после расставания с «Ночью» припускает дождь. Поначалу я радуюсь воде, пополняющей мои оскудевшие запасы, но скоро оказываюсь мокрой насквозь, а под вечер промерзаю до мозга костей. Мое и без того медленное продвижение вперед делается еще более затруднительным. Я вот-вот готова сдаться, но вспоминаю Торина и Шарпа, думаю о том, что, отдаляясь от них с каждой минутой, я на самом деле приближаюсь с подмогой, и продолжаю грести.

Однако худшее впереди. Когда путешествие подходит к концу и манящие очертания суши на горизонте притупляют бдительность, у меня появляется спутник. На сей раз не солдаты и даже не человек. Опасность подстерегает под водой. Молодая гигантская змееакула заинтересовывается мною и начинает агрессивно наматывать круги вокруг лодки. Она еще не выросла окончательно, но ее обтекаемое туловище уже в два раза длиннее моего суденышка. Змееакула начинает биться в корпус своей змеевидной головой, и я могу лишь надеяться на то, что ей когда-нибудь это надоест и она уплывет восвояси. Даже если она не собирается причинять мне вред, одного взмаха ее сильного хвоста достаточно, чтобы меня опрокинуть, и, хотя я старательно училась подавлять страх перед водой, у меня нет ни малейшего желания оказаться в объятиях океана. Вероятно, она чувствует кровь на моих руках или пот на коже, потому что явно видит во мне добычу.

Змееакуленок устремляется к лодке, скользя в воде, как гигантский угорь. Мое суденышко в его челюстях сложится, как бумажное, поэтому надо действовать быстро. Я атакую первой: размахнувшись веслом, загоняю его в открытую пасть приближающегося звереныша, которая, к счастью, еще недостаточно развита, не то он разом проглотил бы меня вместе с лодкой. Зубы яростно вгрызаются в дерево, пожирая щепки, но за счет этого я умудряюсь приманить его поближе, достаточно, чтобы другой рукой ударить ножом точно между твердой, как доспехи, чешуей.

Змееакуленок изворачивается и уплывает, окрашивая океан кровью.

Несмотря на то, что вода мгновенно становится красной, я понимаю, что мой удар не был смертельным, и жду нового нападения. Но то ли он не ожидал подобного сопротивления, то ли не слишком голоден. В любом случае он

считает, что я того не стою, и, к моему величайшему облегчению, плывет прочь.

Не желая проверять, не изменит ли он свое решение, я хватаю оставшееся весло и гребу им, при необходимости меняя борта. Теперь мне еще труднее, чем раньше. Но я все равно радуюсь, что у меня по-прежнему две руки, несмотря на то, что я была в столь опасной близости от острых, как бритва, клыков змееакулы.

Акуленок не возвращается, и через некоторое время я добираюсь-таки до Четвертого острова. Помятая плоскодонка вытащена на берег, и быстрый осмотр показывает, как близка она к пробоине в борту после атаки хищника. Оставив ее на пляже и даже не пытаясь спрятать, я, стиснув зубы, плетусь дальше, хотя мне отчаянно хочется передохнуть. Потрепанная лодчонка на песке никого не заинтересует, а вот я – дело другое. Впереди на дюнах кричит стая чаек, другая кружит над головой. Не обращаю на них внимания до тех пор, пока ветер не приносит запах гнили, от которого приходится зажать нос, чтобы не задохнуться. Захожу подальше на берег и обнаруживаю причину: прилив пригнал и бросил разлагаться на солнце дохлую рыбу. Я хмурюсь. Нет ничего странного в том, что на берегу валяется рыбий скелет, который обронила пролетающая птица или не пожелал есть падальщик. Но тут, должно быть, целый косяк, и я не могу представить причину, по которой всем этим рыбам вздумалось погибнуть одновременно.

Убегая от смрада и шума, я спешу вглубь острова.

Когда я впервые – так давно – прибыла на эти берега, меня поразила здешняя красота, бесконечные луга, полные цвета и жизни. Теперь все обратилось в пепел. Пустая и мертвая земля. Удаляясь от океана, я пытаюсь унять боль, а за мной по пятам следуют призраки. Я хочу встретиться с ними лицом к лицу, мне нужно встретиться с ними лицом к лицу, и потому, не обращая внимания на усталость, я направляюсь к тому месту, которое когда-то называла своим домом.

Теперь тут все слишком похоже на Третий остров, однако, если там леса и растения на черной почве процветают, здесь она отторгает жизнь. В воздухе висит запах дыма, у меня постоянно першит в горле.

Однако по-настоящему запустение потрясает меня лишь тогда, когда я приближаюсь к дому. Говорливый ручей иссяк, вместо здания – сгоревший остов.

Я зажимаю ладонью рот, чтобы подавить всхлип, рвущийся наружу, иду к могиле, огибая пепелище.

Земляной холмик, насыпанный мною, – вот единственное, что не разрушено огнем. Обессиленная и одинокая, падаю на колени, затем ложусь на холмик ничком. Я никогда не прощу себе того, что стряслось с Йореном, Кларой и Томасом, но, возможно, даже хорошо, что они не стали свидетелями подобного кошмара. Вид пепелища разбил бы Йорену сердце так же, как разбивает мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/hogan_beks/zmeya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити